

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Учреждение образования «Полоцкий государственный университет»

УДК 94(476)''16/20''

№ гос.регистрации 20170995 от 15.06.2017

Инв. № _____

УТВЕРЖДАЮ:
Проректор по научной работе
_____ **Глухов Д.О.**
(подпись) (Ф.И.О.)
«01» марта 2019 г.

М.П.

ОТЧЕТ
о научно-исследовательской работе
(заключительный)

«Военные конфликты XV – XX вв. на белорусских землях и их влияние на формирование идентичности населения (на примере Полоцкого региона)»

договор с БРФФИ № Г17Р-032 от «18» апреля 2017 г.

Научный руководитель НИР
доктор исторических наук, профессор

_____ **Д.В. Дук**
(подпись) (Ф.И.О.)

г. Новополоцк

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

Руководитель темы, д-р историч.
наук, профессор

подпись, дата

Д.В. Дук (введение,
заключение, раздел 1)

Исполнители темы,

кандидат исторических наук

подпись, дата

С.Е. Глазырин (раздел 2-3)

кандидат исторических наук

подпись, дата

А.А. Шишков (раздел 4)

кандидат исторических наук,
доцент

подпись, дата

А.И. Корсак (раздел 5)

СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

АСД – Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, издаваемый при управлении Виленского учебного округа

ГАВО – Государственный архив Витебской области

ЗГА – Зональный государственный архив в г. Полоцке

ИЮМ – Историко-юридические материалы, извлечённые из актовых книг губерний Витебской и Могилёвской, хранящиеся в Центральном архиве в Витебске и изданные под редакцией архивариуса сего архива Сазонова

ІГНАНБ – Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі

МАБ – Матэрыялы па археалогіі Беларусі

НАРБ – Национальный архив Республики Беларусь

НИАБ – Национальный исторический архив в г. Минске

НПГКМЗ – Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік

НПИКМЗ – Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГИА – Российский государственный исторический архив

LVIA – Lietuvos valstybės istorijos archyvas

РЕФЕРАТ

Объем отчёта – 95 с., отчёт содержит введение, 7 разделов, заключение, список использованной литературы и источников (127 позиций).

БЕЛОРУССКИЕ ЗЕМЛИ, ПОЛОЦКИЙ РЕГИОН, ВОЕННЫЕ КОНФЛИКТЫ, ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Объект исследования – военные конфликты на территории Беларуси XV – первой половины XX в. и их влияние на формирование идентичности населения.

Цель исследования – дать характеристику формирования идентичности населения Полоцка и Полоцкого региона в XV–XX вв. под влиянием военных конфликтов.

Исследование основано на принципах объективности, научности и историзма. При написании работы использовались типологический, статистический, сравнительно-типологический, сравнительно-исторический, картографический, иконографический методы.

В результате работы получены следующие научные результаты:

- определена специфика формирования идентичности населения Полоцка и Полоцкого региона под влиянием военных конфликтов XVI–XVIII вв.
- прослежены трансформации идентичности населения Полоцка и Полоцкого уезда под влиянием войны 1812 г. и антиправительственного движения 1861 – 1862 гг. и восстания 1863 г.
- на основе архивного материала и новейшей историографии определена идентичность населения г. Полоцка в условиях первой мировой войны и немецко-фашистской оккупации на протяжении 1941 – 1944 гг.

Результаты внедрены в учебный процесс УО «Полоцкий государственный университет» (дисциплины «История Беларуси», «Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны», «История Полоцка (по материалам археологических исследований)», «Русско-белорусские и польско-белорусские отношения»).

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ.....	4
СПИСОК УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	5
РЕФЕРАТ.....	6
ВВЕДЕНИЕ	7
1. ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛОЦКА И ПОЛОЦКОГО РЕГИОНА ПОД ВЛИЯНИЕМ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ XV– XVIII ВВ.....	11
1.1. Динамика изменения городского пространства Полоцка и системы укреплений в XV–XVIII вв.....	13
1.2. У истоков новой идентичности: Франциск Скорина.....	19
1.3. Полоцк после Ливонской войны: новые реалии и формирование новой идентичности.....	23
2. ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ 1812 ГОДА.....	30
3. ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛОЦКА И ПОЛОЦКОГО УЕЗДА ПОД ВЛИЯНИЕМ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ 1861 – 1862 ГГ. И ВОССТАНИЯ 1863 Г.....	40
4. ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛОЦКА И ПОЛОЦКОГО РЕГИОНА ПОД ВЛИЯНИЕМ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	48
5. ПОЛОЦК В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ В 1941 – 1944 ГГ.....	60
5.1. Организационная структура органов управления и самоуправления г. Полоцка в 1941 – 1944 гг.....	60
5.2. Социально-экономическое положение г. Полоцка в условиях немецкой оккупации (1941 – 1944 гг.).....	65
5.3. Идентичность населения Полоцкого региона в годы немецко-фашистской оккупации.....	71
6. ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРАКТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ.....	76

7. РЕЗУЛЬТАТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТОРОН.....	77
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	81
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	86
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	94
ПРИЛОЖЕНИЕ Б.....	95

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы изучения процесса формирования идентичности населения белорусских земель определяется как недостаточной разработанностью в историографии данного круга проблем, так и необходимостью выявления особенностей и закономерностей в историческом процессе формирования белорусской нации. Учитывая тот факт, что белорусские земли на разных этапах своего развития входили в состав различных государственных образований, а также оценивая тяжесть и интенсивность военных конфликтов, затрагивавших эту территорию на протяжении столетий, процесс формирования идентичности оказывается многослойным и противоречивым и поэтому требует концептуального структурирования с применением инструментария исторической науки. Изучение этих вопросов может содействовать историографическому диалогу белорусских и российских учёных.

Процесс формирования идентичности населения на примере Полоцкого региона в качестве предмета исследования выбран не случайно. Под Полоцким регионом в XV–XVIII вв. подразумевается территория, которая входила в состав Полоцкой земли, воеводства, провинции, губернии, наместничества, уезда; в советские времена в различные периоды – уезда, округа, района, области. Актуальность в изучении Полоцкого региона заключается в том, что сложные процессы становления белорусской государственности, специфика данного процесса, в том числе на примере формирования социокультурной и этноконфессиональной идентичности населения, зарождались именно здесь в эпоху Полоцкого княжества, а к XV веку (отсчёт хронологических рамок исследования) стали находить отражение не только по большей части в археологических источниках, но и в письменных документах, а также в материалах устной истории. Значительную роль в данном процессе сыграли последствия военных конфликтов, как по большей части деструктивные, так и имеющие положительные и прогрессивные последствия. Выделить на основании изучения археологических и письменных источников для XV–XVIII вв. и на основании письменных источников и материалов устной истории основные черты этно- и социокультурной, этноконфессиональной и гражданской идентичности населения Беларуси сквозь призму изучения Полоцка и Полоцкого региона является основной задачей исследования.

Под термином **идентичность** (лат. *Identitas*, англ. *Identity*) мы понимаем свойство психики человека выражать свою принадлежность к различным социальным, экономическим, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествление себя с тем или иным человеком, как воплощением присущих этим группам или общностям свойств.

Этнокультурная идентичность в силу специфики изучаемого периода для XV–XVIII вв. наиболее полно отражается в археологических и письменных источниках, для последующего периода – в письменных источниках и материалах устной истории. Именно данные группы источников являются приоритетными для изучения в рамках заявленного проекта. Если говорить об этнической идентичности целого народа, то её усилению могут способствовать разные общественно-значимые события, к которым относятся глобальные социально-политические изменения, прежде всего, военно-политические конфликты, приводящие к трансформации межэтнических отношений. В качестве показательного примера этому выступает возрастание этнической идентичности населения Полоцкого региона в результате восстания 1863–1864 гг. В этой связи происходит консолидация различных социальных слоёв населения в единую общность с некоторыми признаками нации.

Объект исследования – военные конфликты на территории Беларуси XV – первой половины XX в. Предметом исследования формирование идентичности населения под влиянием военных конфликтов на примере Полоцкого региона.

Цель исследования: дать характеристику формирования идентичности населения Полоцка и Полоцкого региона в XV–XX вв. под влиянием военных конфликтов.

Исходя из поставленной цели вытекают следующие задачи:

- определить специфику формирования идентичности населения Полоцка и Полоцкого региона под влиянием военных конфликтов XV–XVIII вв.
- выявить специфику формирования идентичности населения Полоцка и Полоцкого уезда под влиянием войны 1812 г., антиправительственного движения 1861 – 1862 гг. и восстания 1863 г.
- на основе архивного материала определить идентичность населения г. Полоцка в условиях первой мировой войны и немецко-фашистской оккупации 1941 – 1944 гг.

В решение заявленных задач следует отметить, что события, которые имели место в период русско-французской войны 1812 года на территории Полотчины, в историографии слабо освещены, хотя основная масса научных исследований по истории наполеоновского нашествия насчитывает тысячи работ историков – монографий, коллективных трудов, брошюр, статей, рецензий, документальных публикаций. Изучение событий русско-французской войны 1812 года на Полотчине должно сосредоточиться, на наш взгляд, на отношении к войне различных этнических и социальных групп. Во-вторых, нуждается в детализации история военных действий на Полотчине, в том числе партизанского движения и, в-третьих, характеристика политики французских властей на Полотчине и последствий войны для населения. Решению первой задачи посвящено представленное исследование.

Изучение восстания 1863 года на территории Беларуси достаточно широко представлена как в дореволюционной польской и российской историографии, так в советской и современной белорусской. Тем не менее, в данной теме существует ряд

неосвещённых проблем. В частности, слабоизученной остаётся проблема подготовки и осуществления восстания на территории Витебской губернии. Так, представители польской и российской дореволюционной исторической школы либо вообще не обращались к указанной проблеме, либо рассматривали её поверхностно. Скорее всего, они не видели особого стратегического значения данного региона в ходе восстания, так же, как не видели этого главные его организаторы.

Поэтому, единственное, что привлекало внимание исследователей в рамках проблемы в указанный период, было рассмотрение возможности захвата и удержания Динабургской крепости [Ратч, В. Сведения о полском мятеже 1863 года в северо-Западном крае. В 2-х т. Т. I, с.203; Брянцев, П.Д. Польский мятеж 1863 года, с.177] Советские же историки вообще старались избегать и даже скрыть роль и участие Витебской губернии в событиях 1863 года. В частности, один из ведущих исследователей восстания 1863 года на территории Беларуси в этот период Смирнов А.Ф. в своей работе отвергал возможность осуществления вооружённой борьбы в Восточной Беларуси в целом. Он утверждал, что «...в Могилёвской и Витебской губерниях к восстанию вообще не готовились из-за слабости революционной организации в этом регионе.» [Смирнов, А.Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии, с.125]. Такая позиция в отношении изучения обозначенной проблемы привела в итоге к тому, что в современной белорусской историографии интерес к ней значительно упал.

Однако дальнейшее изучение архивных документов и имеющейся литературы, дало возможность возобновить исследование и расширить, таким образом, представление о месте и роли Витебской губернии в событиях 1863 года. В частности, в архивных фондах Российского государственного военно-исторического архива и Национального исторического архива Беларуси содержится целый ряд ценных документов, которые прямо указывают на существование в городе Полоцке подпольной революционной организации по подготовке и осуществлению восстания на территории Полоцкого уезда. Содержание этих документов даёт возможность достаточно подробно рассмотреть цели и основные направления деятельности указанной организации, её роль в подготовке восстания на территории Витебской губернии в целом, связь организации с центральными органами руководства восстанием, а также количественный и социальный состав её участников.

В историографии проблемы развития Полоцка и региона в 1914-1918 гг. Начали разрабатываться в межвоенный период. Важные сюжеты социально-экономической истории Полоцка периода первой мировой войны отражают материалы изданного по горячим следам событий Полоцким окрисполкомом почти 200-страничного издания «Полотчина» [Полотчина, 1925]. В разделе «Общие географические, этнографические, экономические и политические предпосылки советского строительства в Полоцком округе» и конкретно в подразделе

«Историческое прошлое Полоцкого округа и экономическое развитие его» содержится статистический и фактический материал о состоянии экономики и социальной сферы города в 1914-1918 гг., показан урон, нанесённый войной инфраструктуре Полоцка. Интерес представляют характерные для своей эпохи воспоминания Н.М. Пруслина «Борьба за Октябрь в Полоцке» [Пруслін, 1934]. В послевоенной советской историографии делался упор на деятельность в Полоцке партии большевиков, которая на самом деле до октября 1917 г. велась непублично и была сосредоточена в рамках местного гарнизона. Отдельные аспекты проблемы были исследованы в работах 2010-х гг. Ю.А. Борисёнка и Н.Е. Семенчика, обстоятельства прихода в город советской власти и пребывания в Полоцке германских оккупантов в 1918 г. затронуты в кандидатской диссертации А.А. Огородникова [Борисёнок, 2013; Сяменчык, 2012; Огородников, 2018].

Касаемо периода второй мировой войны следует отметить, что изучение архивной базы, находящейся в фондах Национального архива Республики Беларусь, Государственного архива Витебской области, Зонального государственного архива в г. Полоцке, ставило целью сбор и анализ имеющегося материала, который в достаточно полной мере осветил, происходящие в 1941 – 1944 гг. на оккупированной территории Полоцка.

В Национальном архиве Республики Беларусь проработаны фонды №№ 4 (Дело 111), 861 (Дела 1 – 13), 845 (Дела 5, 144), 842 (Дело 64), содержащие в основном материалы Дел Чрезвычайной Государственной комиссии по установлению и расследованию преступлений нацистских оккупантов. Кроме того, изучен материал Белорусского штаба партизанского движения – фонды №№ 1403, 1440, 1450 – документы партизанских соединений, а также отчётная документация полиции безопасности и СД айнзацгруппы «В».

Не менее важный пласт архивных источников, касающихся непосредственно периода нацистской оккупации Полоцкого региона, хранится в Государственном архиве Витебской области – фонд № 2823 Экиманской волостной управы Полоцкого района, фонды №№ 2824 – 2827, материалы которых раскрывают основные направления деятельности Полоцкой государственной тайной полиции (гестапо), Полоцкой фельдкомендатуры и т.д.

Фонды Зонального государственного архива в г. Полоцке (Фонд № 687) дополняют в той или иной степени материал головных архивов. Как правило, это документы Чрезвычайной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских оккупантов.

Историографическая база по теме исследования представлена в основном материалами историко-документальной хроники «Память» по г. Полоцк и Полоцкому р-ну, а также перечнем периодических изданий публицистического характера.

1. ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛОЦКА И ПОЛОЦКОГО РЕГИОНА ПОД ВЛИЯНИЕМ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ XV–XVIII ВВ.

Полоцк в XV – XVIII вв. пережил разные этапы политического и социально-экономического развития. За это время с крупнейшего города ВКЛ, центра наместничества (1392 – 1504 гг.) и воеводства (1504 – 1772 гг.), он в результате административно-территориальных реформ конца XVIII в, превратился в уездный город в составе Российской Империи. В 1772 г. Полоцк становится административным центром провинции в составе Псковской губернии, с 1776 г. – губернским городом, с 1778 по 1796 гг. Полоцк является центром наместничества, после чего превратился в уездный город сначала Белорусской, а после 1802 г. Витебской губернии [Полоцк: Ист. Очерк, 1987, с. 77].

В исторической литературе площадь Полоцка в этот час обозначается как равная: в XVII в. - 200 га, в XVIII в. - 112 га (с учетом только территории правобережного Полоцка) [Полоцк: Ист. Очерк, 1987, с. 79; Тарасаў, 1998, с. 95 - 96]. Первый расчет сделан исходя из наличия культурного пласта за пределами паркана (термин, обозначающий оборонительные укрепления городских посадов), второй основан на картографических документах, которые фиксируют застройку за пределами паркана в конце XVIII в. Причем к востоку от Великого посада площадь этой застройки была равна собственно площади посада. Сегодня возможно определить, что определенная застройка существовала «на венце» р. Двины, как это и указано в письменных источниках. Также культурный пласт XVII – XVIII вв. обнаружен за пределами паркана в северо-восточной части Великого посада и на неширокой (до 150 м) полосе вдоль р. Двины, на месте древних поселений за р. Полотой. Однако присутствие застройки и ее характер за редким исключением не определен. Таким образом, в XVII - XVIII в. площадь Полоцка составляла около 250 га.

Основную часть городской территории образовывали посады, суммарная площадь Верхнего и Нижнего замков не превышала 13 га. Определенные колебания в сторону сокращения площади Полоцка происходили в XVI в. за счет территорий Заполотского и Великого посадов. Численность населения города в это время также довольно существенно изменялась. По подсчетам историков (В.А. Воронина, З.Ю.Копысского, С.В. Тарасова), в Полоцке в первой половине XVI в. жило от 11 до 50 тыс. человек [Варонін, 2000, с. 30], более 10 тыс. человек составляло население города в первой половине XVII в. [Шайкоў, 1996, с. 147]; 700 человек осталось во время военного лихолетия 1654 г. [Сагановіч, 1995, с. 130]; в 30-е – 40-е годы XVIII в. в Полоцке проживало примерно 3 – 4 тыс. человек [Полоцк: Ист. Очерк, 1987, с. 60]; по данным 1792 в городе проживало 2195 человек (из них купцов было 168 христиан, 135 евреев, мещан - 1130 христиан и 1065 евреев) [Вуглік, 2010, с. 195]. В 1805 г. численность городского населения составляла 2991 человек [Географический

словарь Российского государства, 1805, с. 1238]. Данные по населению города, вероятно, не учитывали лиц женского пола, поэтому в соответствии с ревизиями 1786 и 1796 гг. А.М. Лютый приводит соответствующие цифры в 5326 и 5622 человек [Лютый, 1987, с. 31]

При подсчетах количества населения в XVIII в. не был учтен тот факт, что в городе на строительстве многочисленных монументальных объектов было задействовано большое количество людей. Некоторое время они, независимо от происхождения из той или иной местности, безусловно, проживали в Полоцке. К тому же надо учесть торговцев и крестьян с полоцкой округи, которые постоянно посещали город на разный срок. Таким образом, реальное количество людей, которые временно и постоянно проживали в Полоцке в XVIII в., было значительно больше и могло достигать 8 - 10 тыс. человек.

Источником пополнения городского населения являлась в первую очередь сельская округа. Количество городского населения росло за счет переселения части жителей после эпидемий и войн: город представлял широкие возможности для социальной мобильности отдельных граждан, купеческих или ремесленных корпораций [Котлярчук, 2001, с. 46].

Данные археологии подтверждают данный тезис. Так, ассортимент вещей, найденных в Полоцке в слоях X - XIII вв. в основной массе типичный и для сельской округи. Первые косвенные сведения про происхождение городского населения из ближайшей полоцкой округи возможно найти в письменных источниках второй половины XV–XVI вв.: фамилии некоторых полочан тождественные с названиями населенных пунктов уезда и воеводства (Заскорки, Кублицкие, Полупяты, Росицы, Селявы и пр.). Местное происхождение погребённых на полоцких кладбищах в XVII - XVIII вв. людей подтверждают и данные антропологической экспертизы.

В XVI - XVIII вв. в Полоцке проживали евреи, татары, москвиты (выходцы из московского государства), немцы, венгры, поляки и другие из числа военных и ремесленников, которые на определенное время попадали в Полоцк. Так, в 1599 г. Лев Сапега сообщал Кристофу Радзивиллу, что среди жителей Полоцка была значительная часть москвитов, которые остались в Полоцке после 1579 г. [Полоцк: Ист. Очерк, 1987, с. 46].

Наиболее многочисленной была еврейская община. Достоверных данных о её количественном составе в XV – XVII вв. нет, однако можно согласиться с мнением о двухпроцентном составе еврейского населения в Полоцке и других городах Белорусского Подвинья применительно ко всем горожанам [Марзалюк, 2007, с. 46]. В течение XVIII ст. количество евреев в городах Беларуси возрастает, однако не превышает 25 % общего числа горожан, в основном это касается западного региона Беларуси. После присоединения Полоцка к Российской империи и введения границы оседлости количество евреев в Полоцке резко возросло. На 1 сентября 1801

г. в Полоцке проживало 1859 мящан-христиан и 1978 мящан-евреев, среди купцов христиан и евреев соответственно 349 и 44 [Марзалюк, 2007, с. 47, 60]. Под данным 1805 г., количество евреев составляло 1151 человек из общего числа 2991 жителей Полоцка [Географический словарь Российского государства, 1805, с. 1238].

В 1522 г. татары-"казаки" получили земельные наделы в Полоцке [Любавский, 1892, с. 532]. Однако татарское население не фиксируется в известных инвентарях и ревизиях XVI - XVIII вв., потому, достоверно, его количество была незначительной и существенно не повлияла на демографическую и этноконфессиональную структуру Полоцка.

В XV в. по отношению к белорусским городам закрепляется название "место", отсюда происходит и название жителей городов - "мящане". Термин "город" изредка фиксируется в письменных источниках и означает только укрепленную часть города – детинец (замок). Термин "место" и "мящане" подчеркивают ведущую роль торгово-ремесленного населения в социально-экономическом развитии белорусских городов.

Таковы в общих чертах были реалии существования Полоцка в XV – XVIII вв. Однако данные реалии постоянно претерпевали изменения в следствие в первую очередь военных конфликтов, которые в рассматриваемый период случались очень часто. Наиболее крупные из них – это войны с московским княжеством начала XVI в., когда Полоцк фактически стал пограничным городом, находящимся на передовой театра боевых действий Великого княжества Литовского и Московского княжества, апогей данного противостояния состоялся в 1563–1579 гг., в то время Полоцк находился под владычеством Ивана IV. Далее следуют военные конфликты первой трети XVII века, захват Полоцка войсками Алексея Михайловича во время войны России с Речью Посполитой 1654-1667 гг., войны начала XVIII в. с участием шведских и русских войск. Изменение реалий неизбежно приводило к трансформации привычного уклада жизни, а также к негативным и, как не парадоксально, качественно новым изменениям организации и функционирования жизненного пространства. Данные изменения неизбежно затрагивали и идентичность населения Полоцка.

1.1. Динамика изменения городского пространства Полоцка и системы укреплений в XV–XVIII вв.

Вопросы обороноспособности города всегда являлись одними из главнейших для городской администрации Полоцка. Войны и связанные с ними угрозы являлись постоянным спутником жизни населения средневекового Полоцка. Одними из действенных мер реагирования на угрозы извне являлись перманентные заботы горожан об обустройстве городских укреплений. Данные заботы требовали значительных денежных затрат, помимо этого требовались и значительные

трудовые ресурсы для поддержания укреплений в актуальном состоянии. Находить выход для решения обозначенных проблем удавалось различными способами, и надо признать, не всегда эффективными. Отсюда проистекает один из главных парадоксов: традиционное деревянное зодчество применительно к городским укреплениям было относительно малоэффективным. Тем не менее, решиться на создание монументальных укреплений в камне и кирпиче полочане так и не смогли, несмотря на значительный социально-экономический потенциал города.

Скудность источниковой базы по периоду XV – первой половины XVI вв. позволяет лишь в общих чертах определить степень обороноспособности Полоцка по такому важному критерию как состояние и функционирование оборонительных укреплений. При этом наряду с письменными археологические источники по данному периоду являются не менее важными.

По данным письменных источников известно, что в начале XVI в. в Полоцке сложилась конфликтная ситуация между мещанами и феодалами (боярством и духовенством) на предмет замковой повинности. Суть конфликта заключалась в том, что, согласно полоцкому владыке и боярам, работы по подсыпке замковой горы и возведение ее деревянных стен являлись обязанностью только тех зависимых от их людей, которые сидели на землях боярских в "месте". Мещане, которые подчинялись городскому магистрату, требовали, чтобы работы по укреплению замка возлагались на боярских и церковных людей из фольварков "за четверть мили и дальше от Полоцка" [Справы полацкага гродзскага суда 1533 – 1539 гг., 1928, с. 192 - 194]. Этот порядок сохранился по крайней мере от времен Казимира (1440 - 1492) и действовал до введения в Полоцке магдебургского права. После 1498 г. строительство и репарацию замка должны были делать все землевладельцы полоцкого воеводства. Они высылали крестьян с инструментом и лошадьми. Полоцкие мещане исполняли земляные работы по подсыпанию земляных укреплений замка и несли замковую службу. Из Указа великого князя Александра от 1502 г. следует, что "город и острог мають мещане стеречы поспол с путники сел(ь)скими; а на границы и по дорогам сторожу от непрятелей в нинешнии часы валечныи мають вси посполите, как пан Станислав, так и владыка, и бояре, и игуменья, и мещане" [Полоцкие грамоты..., 1978, с. 197 - 199].

В начале XVI ст. в Полоцке был построен "паркан" - укрепления Великого посада. Это произошло около 1501 г., когда в Полоцке расположился отряд солдат под руководством чеха Чернина. "Служилые" люди Чернина строили паркан, а мещане поставляли дерево [Даўгяла, 1928, с. 215 - 219; Справы полацкага гродзскага суда 1533 – 1539 гг., 1928, с. 192]. В 1508 г. паркан был сожжен татарами, после чего заново отстроен. В 1513 г. паркан был сожжен московским войском во главе с князем Василием Шуйским. Очередной паркан был возведен около 1516 г. поближе к Верхнему замку на расстоянии в "несколько полетов стрелы" от бывшего паркана.

Этот паркан упоминается в деле о продаже огородов на "старом городище в новом заборе" 20 апреля 1517 г. [Описание документов и бумаг..., с. 432].

В мае и августе 1518 г. московские войска опять сожгли паркан [Справы полацкага гродзкага суда 1533 – 1539 гг., 1928, с. 192 - 196]. После этих событий население посадов, которое было под властью бояр и духовенства, вынуждено было оставить свои “дворищи” в городе и разойтись. Территорию этих “дворищей” заняли мещане, которые находились под управлением городского магистрата. В 1533 г. в "Ухвалении насыпания горы замковой Полоцка и острогов" зафиксировано катастрофическое сокращение территории Заполотского посада. Когда в начале XVI ст. усадьбы полочан были размещены не только в границах посадских укреплений, но и далеко за ними, то в 1533 г. "одно огороды и пашни и гумна на тыхъ местехъ мещаньские суть" [Справы полацкага гродзкага суда 1533 – 1539 гг., 1928, с. 194 - 195].

Вместе с новым парканом в 1516 г. были отстроены и укрепления Верхнего замка. Такие сведения приводятся в деле о продаже Богданом Тишковичем половины двора в "Новом замке" [Описание документов и бумаг..., с. 432]. Документ не датирован, однако скорее всего сделка произошла в 1517 г. "Новый замок" - это, очевидно, новые укрепления Верхнего замка, поскольку Нижнего замка в начале XVI ст. быть не могло. Возможно к этому времени была расширена территория Верхнего замка за счет включения части бывшей посадской территории.

О конструкции паркана начала XVI в. можно судить только примерно. Археологических данных про это время мы не имеем, однако есть свидетельства "Ухваления" 1533 г., что боярскими мещанами "ижъ ни одного кола у в острозе с тыхъ дворищъ не роблено". Таким образом, стена забора представляла собой частокол, который был поставлен на внутренней части рва - "перекопе".

Следующий этап строительства паркана связан с воеводством Станислава Давойны (1542 - 1563). Сведения о паркане есть в Полоцкой ревизии 1552 г.: "Острогъ около того места былъ роблень з дерева дубового за двема посады, за Великим и Заполотским, который вжо велми упаль, нижли пан воевода острог знову заложыль и далее его в поле помкнуль, который повинни робити по делницам своим вси мещане места Полоцкого и люди князские, панские и землянские, которые в месте мешкають и тежь люди, которые на церковныхъ земляхъ живутъ.

Мещане вси места Полоцкого чергами своими у брамъ устроговых сторожу завжьды чынити и въ замьку кожъдое нocy по улицахъ ходечы огню стеречы повинни” [Полоцкая ревизия 1552 г., 1905, с. 30 – 31].

По мнению Д. Довгялы, упомянутый паркан был построен не раньше 1542 г. [Даўгяла, 1928, с. 225]. На выездных путях паркан имел ворота и охранялся городским караулом. Ревизия засвидетельствовала плохое состояние городских посадских укреплений и их непригодность к организации обороны. Однако

во время осады Полоцка войском Ивана IV в 1563 г. паркан был уже хорошо укреплен.

Так, оборонительные укрепления Великого посада определены московскими стрельцами как "очень мощные", паркан был срублен "и всякими крепостьми делан" аналогично стене Верхнего замка, ров вокруг острога (посада) был "крепокъ и глубоокъ" [Алексеев, 2006, кн. 1, с. 104 - 106; Лебедевская летопись, с. 310]. Со стороны р. Двины крепостная стена отсутствовала, однако было сказано про некие башни над рекой, что позволяет определить наличие определенных укреплений и со стороны р. Двины.

Таким образом, после 1552 г. оборонительные укрепления Великого посада были приведены в надлежащее состояние. Вместо частокола были установлены срубные городни. Оборонительная стена Заполотского посада, по-видимому, еще существовала, но не представляла никакой преграды, что разрешило яртуолскому и сторожевому полкам Ивана IV разместиться на берегу р. Полоты непосредственно около Верхнего замка.

На сегодняшний день возможно выяснить название только двух башен Великого посада. Сохранилась копия выписки из актовоей книги за 1553 г., согласно которой в Полоцке размещался дом с огородом на улице, "которая вела от Виленской башни к Смоленской" [LVIA. F. 599. – Ар. 1. – В. 3, л. 276]. На Верхнем замке, согласно Ревизии 1552 г., упоминаются башни Усцейская, Вторая, Освейская, Четвертая, Михайловская, Богородицкая, Седьмая, Восьмая, Софийская [Тарасаў, 1998, с. 42]. Упомянутые в книге 1553 г. башни Виленская и Смоленская могли принадлежать оборонительной стене Великого посада, учитывая плохое состояние заполотских укреплений. Эти башни в письменных источниках середины XVII ст. уже не упоминаются.

Фортификационная деятельность московских стрельцов касалась строительства крепостных стен Верхнего и нововозведенного Нижнего замков. Однако в 1563 г. был возведен также и паркан Заполотского посада, который представлял собой деревянную стену, поставленную на земляной вал (рис. 5.32) [Гейденштейн, 1889, с. 58]. Крепостная стена Заполотья предусматривала и наличие рва: "Да и в остроге за Полотою бояром и воеводам изъездити и изсмотретьти, которые места выгорело и то место велети заделати Петру (*Зайцеву – замечание автора*) и Борису (*Щекину*) накрепко, стены в три или в четыре как будет пригоже, и землю насыпати, и подошевные бои и башни поделати для стенного бою, и рвы старые около стен поделати. А будет в котором месте пригож, рвы и новые покопати" [Книга полоцкого похода 1563 г., 2004, с. 70 - 71].

Сведений про оборонительные укрепления посадов сразу после освобождения Полоцка войском Стефана Батория в 1579 г. нет. После Ливонской войны, во время которой в 1563 - 1579 гг. Великий посад представлял собой "пепелище", они, очевидно, не воссоздавались.

В 1633 г. произошло восстание горожан против подвоеводы Яна Лисовского и городской рады. Суть конфликта лежала в том, что подвоевода требовал от полочан срочно возвести башню Нижнего замка либо подвезти дерево на ее ремонт. Одновременно он требовал, чтобы все жители Заполотья переселились в Верхний замок. Полочане не подчинились требованиям воеводы, и наконец московская армия в ночь с 12 на 13 июня "все место Полоцкое и Заполотье сплюндровало и попало... также и замок вышний ледво се одержал" [АСД, с. 271 - 272]. В описания событий Великий посад нигде не упоминается, фигурирует только Заполотье. Возможно, со времен Ливонской войны до 1630-х гг. приоритетной для заселения являлась территория Заполотского посада. Оборонительные укрепления Полоцка в это время окружали только Верхний и Нижний замки [Описание документов и бумаг..., с. 432].

После упомянутых событий многие полочане не желали возвращаться на пепелище, и король Владислав IV выдал грамоту о запрете полочанам оставлять город и селиться на территории, занятой русскими войсками [АСД, с. 276].

В 1638 г. мещане начали воздвигать новый паркан Великого посада. Городской паркан был измерен посредством шнура, подсчитанное в городе количество "пляцев" пропорционально соответствовала отрезку стены, который нужно было восстановить: "и где которому будет назначено мейсце, тамъ, а негде индей маеть свой парканъ ставить, а клетки мають быти не клинястые, але вздлужь, абы клетками руму много не займовати, а въ клеткахъ мають стояки ставить ..." [АСД, 1867, с. 309]. Новый паркан, видимо, был сделан из деревянных клеток каркасной конструкции.

Постановление магистрата 1638 г. было принято при участии представителей горожан. Однако уже через два года шляхта запретила участие мещан, которые жили на шляхетских юридиках, заниматься укреплением забора [Ткачев, 1987, с. 65].

С сентября 1654 г. по осень 1655 г. в условиях господства в Полоцке московской администрации по приказу царя Алексея Михайловича полоцкие мещане сделали огромнейшую работу по усилению Великого посада. Около Заполотского посада между р. Двина и Полота из стороны поля был вырыт новый ров, и в этот ров с обеих сторон вставлены плотно приспособленные "на иглах" одно к одному бревна. За ровом были поставлены мощные брусья-"надолбы", которые сверху были "проушены", и в эти "уши" продеты клинья, отчего их было тяжело вытянуть из земли и сбросить со столба. Кроме того, Заполотье имело свой старый "острог" - паркан с воротами и "рукавами". Вместе с замковыми укреплениями общая длина крепостных стен Полоцка превышала в это время 5 км. В итоге Полоцк преобразовался в мощную крепость [Бабятынскі, 2009, с. 307; Даўгяля, 1928, с. 235 - 236].

Сообщения Сметных книг Полоцка 1654 г. и Книг приходно-расходных Алексея Михайловича 1654 - 1655 гг. подробно проанализированы С.В. Тарасовым [Тарасаў, 1998, с. 54 - 58]. Крепостная стена Великого посада состояла из восьми башен и двух “форток” (Варвары, Мироновской, Ложной, Ильинской, Скарбной, Невельской, Наугольной, Кобыльчиной). Эти башни локализованы на современном плане Полоцка [Тарасаў, 1998, рис. 71]. Про конструкцию крепостных стен можно судить по итогам археологических раскопок на месте расположения Наугольной башни. Нижние венцы башни были заглублены в материк на 0,2 м. К ней примыкали столбы-сваи конструкции клетей. Развал глины, возможно, свидетельствует про наличие в башне печей [Тарасаў справаздача № 1422, с. 8].

План Полоцка 1707 г. отображает наличие укреплений (крепостной стены) Великого посада и Верхнего замка. В Заполотье остался только ров, на Нижнем замке - вал. Последнее упоминание Заполотского паркана датируется 1685 г. [Дзярновіч, 2009, с. 70]. Во время Северной войны укрепления посадов (Кривцова на Острове, Заполотского) соответствовали т. н. бастионной системе, наиболее совершенно представленной все же на Верхнем замке. Зимой подходы к городу защищали специально сделанные полыньи в р. Двине, которые регулярно прочищались [Ткачев, 1987, с. 67]. Планы Полоцка конца XVIII в. фиксируют уже только останки рва с восточной стороны Великого посада [Тарасаў, 1998, мал. 3 - 8].

В актовых книгах полоцкого магистрата XVIII в. сохранились достаточно информативные сведения про посадские укрепления. Так, книга за 1721 г. содержит сообщение о существовании заброшенного паркана, который пересекает улица Азаровая [НИАБ. Фонд 1823. – Воп. 1. – Спр. 10, арк. 24]. В городской книге 1779 г. встречаются сообщения про городской паркан, который являлся уже не более чем топографической единицей [НИАБ. Фонд 2424. – Воп. 1. – Спр. 1, арк. 31 адв.]. Согласно А. Щекатова, который в начале XIX в. оставил заметку про городские укрепления Замка, “вал, окружавший весь город, также весьма унизился” [Географический словарь Российского государства, 1805, с. 1237 - 1238]. Последняя попытка укрепления городских стен произошла накануне войны 1812 г., когда место полоцкое было лучше приспособлено для обороны”, а территория посада была ограждена двойным острогом и рвом [Даўгяла, 1928, с. 238].

Таким образом, сведений письменных источников о наличии оборонительных укреплений Великого и Заполотского посадов раньше за начало XVI в. нет. Обязанность “Полтеск рубливать”, определённая великим князем Казимиром в 1460 г., касалась Замковой горы (будущего Верхнего замка) [Даўгяла, 1928, с. 214]. Около 1501 г. был возведен паркан Великого и Заполотского посадов, который неоднократно переделывался в первой половине XVI в. и выжигался во время осад московской армией. Паркан первой половины XVI в. представлял собой частокол из бревен, с напольной стороны был вырыт ров. Между 1552 - 1563 гг. вместо частокола вокруг Великого посада построены срубные городни. После Ливонской

войны новый паркан Великого посада был отстроен только в 1638 г. Паркан представлял собой деревянные клетки каркасного типа. Аналогичная конструкция крепостных стен по археологическим и письменным источникам была и в 1654 - 1655 гг. В начале XVIII в. сохранился только ров бывшей крепостной стены Великого посада, с того времени посадские укрепления до 1812 г. больше не обновлялись.

1.2. У истоков новой идентичности: Франциск Скорина.

Полочанин конца XV века идентифицировал себя с полноправным европейцем, чему свидетельством являются начальные факты биографии известного белорусского просветителя Франциска Скорины. Рассмотрим на конкретном примере.

В семье полоцкого мещанина Лукьяна Скорины около 1490 г. родился белорусский просветитель и первопечатник Франциск Скорина. Творческая судьба этого человека сложилась за пределами родного Полоцка. Это было обусловлено объективными причинами, поскольку во времена расцвета творческого таланта Скорины в первой половине XVI в. Полоцк переживал не лучшие времена по причине частых войн между ВКЛ и Московским княжеством. В начале XVI в. самым серьезным образом изменился военно-стратегический баланс сил между враждующими сторонами: московским княжеством и ВКЛ. Сильно изменилась линия государственной границы. Присоединение к Московии Пскова в 1510 г. и завоевание Смоленска в 1514 г. резко усилили Москву и одновременно сделали Белорусское Подвинье в полной мере пограничным регионом ВКЛ. Недавно присоединенные к Москве земли стали важнейшими плацдармами для многочисленных походов на Полоцк, Витебск и Браслав [Варонін, 2013, с. 203]. Это не могло не сказаться на уровне ремесленного производства. Организовать фактически в пограничном городе для своего времени «инновационных», а соответственно высокотехнологичных, печатных мастерских было практически невозможно. Таким образом, неблагоприятная военно-политическая обстановка (Полоцк только во время войны 1512-1522 гг. Трижды был обложен войсками неприятеля), могла стать решающим фактором в становлении творческой судьбы Франциска Скорины за пределами родного Полоцка.

Тем не менее, есть все основания полагать, что с Полоцком Скорину связывает нечто большее, чем место рождения. Именно тут могли пройти его юношеские года и здесь, в Полоцке, он мог получить начальное школьное образование. Таким образом, обозначим два ключевых взаимосвязанных вопроса: мог ли Скорина получить начальное (школьное) образование в Полоцке и остались ли определенные материальные свидетельства существования школы, где мог бы учиться Скорина?

Известно, что Франциск Скорина происходил из богатого мещанского рода Скоринов. Этот статус сохранился за родом и в дальнейшем по крайней мере на протяжении первой половины XVI в. (об этом напрямую свидетельствует полоцкая ревизия 1552 года [Галенчанка, 1998, с. 18-19]). Бесспорно и то, что Франциск Скорина получил начальное (школьное) образование на латинском языке. И хотя об этом не сохранилось ни одного письменного источника без основательного начального образования нельзя было мечтать об обучении в университетах Центральной и Западной Европы. До поступления в университет в Кракове никаких письменных документов о жизни Франциска Скорины не сохранилось. Исследователи биографии Франциска Скорины высказали обоснованное предположение, что школьное образование он мог получить в Полоцке или Вильне [Кісялёў, 2002, с. 15]. Это начальное образование было качественным и основательным, поскольку позволило Скорине получить университетское образование в Кракове за два года.

На рубеже XV–XVI вв. Реальную подготовку к поступлению в университет в ВКЛ могли оказать парафиальные школы при католических монастырях (кляшторах). Такой монастырь бернардинцев существовал в Полоцке с 1498 года. Полоцкие бернардинцы имели тесную связь с виленскими [Кісялёў, 2002, с. 16]. Становится понятным, что это обстоятельство могло содействовать переезду Франциска Скорины в Вильню – столицу ВКЛ. С одинаковой долей вероятности можно считать, что и в родном Полоцке, и в столичной Вильне Скорина мог завершить свою школьную учебу, а успехи в науках дали ему возможность поступить в университет. Но здесь хотелось бы сделать одно наблюдение – поскольку все творчество Скорины пронизано любовью к родной земле, а именно к “славному” Полоцку, можно засвидетельствовать данный аргумент как дополнительный в поисках места школярства Скорины, того места, в котором будущий просветитель и первопечатник мог провести юношеские годы.

Тем не менее, бесспорным остается один факт – обучаться Скорина мог только в парафиальных школах католического ордена бернардинцев в Полоцке (с 1498 по 1504 гг.) или в Вильне (возможно, правда, что вначале в Полоцке, а после – в Вильне). Связь с бернардинцами на начальном этапе становления творческой личности первопечатника была настолько близкая, что даже существует гипотеза о происхождении личного имени Скорины. Согласно С. Темчина имя Франциск Скорина мог получить в связи с деятельностью францисканцев, поскольку бернардинцы в Польше и ВКЛ являлись ответвлением именно этого ордена и основали в Полоцке котел Пресвятой Девы Марии Небесных врат [Темчин, 2017, с. 151].

Таким образом, в поисках следов жизни и деятельности Скорины в Полоцке для нас важно получить любые сведения про бернардинцев в Полоцке с 1498 по 1504 гг. – ко времени его поступления в Краковский университет.

Известно, что начальный монастырь бернардинцев существовал в Полоцке в 1498–1563 гг. и был первым и единственным католическим монастырем в городе в так называемый “доливонский” период. Монастырь был построен на Заполотском посаде. В 1563 г. во время захвата Полоцка войсками Ивана IV бернардинский монастырь прекращает свое существование – он был уничтожен по приказу Ивана IV. Бернардинцы возвращаются в Полоцк только в конце XVII в. и возводят сначала деревянные, а после и кирпичные строения монастыря уже в ином месте, в Задвинье [Ярашэвіч, 1999, с. 536].

Согласно привилея 1498 г. великого князя Александра бернардинцам разрешалось жить в Полоцке на определенном участке города. Привилей регламентировал место строительства и характер застройки: “*erigenda ac pro monasterio, domibus, certis residenciis, habitationibus, ortis, officinis, ceteris commoditatibus construendis et constituendis aream, locum atque solum, qui est sub castro nostro in Poloczko secus fluvium Polotha, incipiendo a fluvio Polotha circa latus pontis et tenendo circumferencialiter iuxta viam sive stratam, que ducit de castro versus ecclesiam S. Spiritus*” (“возвести соответственно монастырь с заселенными административными и жилыми домами, мастерскими со всеми потребностями, построенными в соответствии с местностью, которая расположена под Замком нашим в Полоцке, на берегу реки Полоты, начиная от берега до моста и продолжая по окружности в сторону гостинца или мощеной улицы, что ведет от Замка к церкви Св. Духа”) [Kodeks dyplomatyczny, 1948, s. 538]. В тексте оговорен четырехугольник: устье р. Полоты, возле которого находился мост, – дорога к церкви св. Духа – снова река Полота и луг. На сегодняшней карте Полоцка данная территория расположена в районе современных улиц Краснова и Михайловской.

В 2003 г. на северо-восточной окраине Заполотья во время археологических раскопок нами были выявлены следы богатой усадьбы XV в. Не исключено, что открытый археологический комплекс являлся частью двора, который держали ганзейские купцы и который с конца XV в. мог принадлежать бернардинскому монастырю [Дук, 2006]. В 2006 г. во время археологического надзора за земляными работами в Заполотье по ул. Краснова, д. 12 был найден набор печных изразцов первой половины XVI в. На одной стороне изразца была отображена монограмма Божей Матери, что свидетельствует о католической конфессиональной принадлежности владельца печи. Эта печь могла находиться в доме ганзейского торговца или отца-бернардинца [Дук, Салаўёў, 2007]. В 2010 и 2011 гг. нами были проведены археологические раскопки в Заполотье на месте участка по адресу ул. Краснова, 9, которое попадало в зону возможного расположения бернардинского монастыря. И здесь также были обнаружены движимые и недвижимые артефакты, которые свидетельствуют о расположении католического монастыря бернардинцев.

Таким образом, Франциск Скорина имел возможность (и вероятнее всего успешно реализовал её) на получение начального образования в Полоцке, что

позволило ему в дальнейшем обучаться в ведущих университетах Европы. На примере личности Франциска Скорины можно отметить одну из черт формирования новой идентичности полочанина рубежа XIV – XV вв.: свобода в выборе веры (принимая во внимание католическое вероисповедание Скорины как наиболее вероятное¹) и образовательной парадигмы, нацеленность на восприятие общеевропейских духовных ценностей и научных достижений. В дальнейшем эта свобода выбора будет реализована посредством образовательной стратегии ордена иезуитов в «постливонский период», и будет напрямую связана с последствиями Ливонской войны.

Истоки этой свободы уходят вглубь веков и впервые отражены в экуменистской деятельности игумении Спасского монастыря, Преподобной Евфросинии Полоцкой в XII веке. Именно в её духовном наследии отразились влияние источников мудрости восточного и западного христианства, но это – предмет отдельного исследования.

На примере жизни известного полочанина Франциска Скорины необходимо отметить, что именно военное положение Полоцка как приграничной тверди являлись основной причиной реализации творческого потенциала Франциска Скорины вне пределов родного Полоцка. В дальнейшем военный фактор также станет одной из причин миграции другого известного просветителя, педагога и поэта – Симеона Полоцкого. Отрыв от полоцких реалий для реализации творческих амбиций Скорины был неизбежен. Университетского образования в то время в Полоцке не было. Более того, войны начала XVI в. сделали Полоцк непригодным для расположения в нем абсолютно для своего времени «инновационных», а соответственно высокотехнологичных, печатных мастерских. Получив начальное образование в Полоцке и пронеся память о Полоцке как о своей малой Родине, Скорина реализовал на практике создание книги печатным способом, используя для этого умения и навыки, наработанные в Европе. Тем не менее, его ярко выраженная «русинская» идентичность не вызывает сомнения, как и тот факт, что свое «русинское» происхождение он связывал с Полоцком (именно регион Белорусского Поднепровья и Подвинья отождествлялся в рассматриваемый период с хоронимом «Русь», а эндонимом “русь” отождествлялся со всеми частями старобелорусского этноса [Марзалюк, 2007, с. 27-28, 66]). Франциск Скорина повлиял на укрепление государственной идентичности и патриотизма жителей ВКЛ, всячески подчеркивая в изданных им книгах библии неразрывную связь с Родиной, а по- существу в своих трудах Скорина артикулировал национальную концепцию бытия народа, поскольку важнейшим маркером идентичности он считал именно языковую культурно-

¹ Наиболее полно мнения историков о конфессиональной принадлежности Скорины в полемической форме изложены И.А. Марзалюком [Марзалюк, 2007, с. 88], приведенные автором доводы и аргументы мы полностью разделяем.

историческую общность, происхождение и общую территорию [Марзалюк, 2007, с. 89].

1.3. Полоцк после Ливонской войны: новые реалии и формирование новой идентичности

Война приводила к разрушениям, которые в последствии нередко трансформировали городскую социотопографическую структуру. И хотя городская инфраструктура и топография Полоцка являются явлениями достаточно статичными, тем не менее, именно Ливонская война оказала самое радикальное влияние на дальнейший облик Полоцка и формирование новых черт идентичности его населения.

В середине XVI в. город претерпел большие топографические изменения, причиной этому стали военные события и захват Полоцка московским войском Ивана IV в 1563 - 1579 гг. Эти изменения существенным образом повлияли на развитие социотопографической структуры Полоцка в дальнейшем времени. Кроме археологических, сохранился большой комплекс письменных источников, которые характеризуют этот процесс как со стороны московских летописцев, так и из администрации Стефана Батория. Подробные сведения о целях и реализации процесса тогдашнего обустройства Полоцка записана в Книге полоцкого похода 1563 г. [Книга полоцкого похода 1563 г., 2004]. Тезисно характеристика изменений социотопографической структуры города в это время выглядит следующим образом.

В 1563 г. московскими стрельцами был построен Нижний замок. Великий посад в 1563 - 1579 гг. представлял собой незаселенное пожарище. Это было сделано из-за того, что фортификационная функция Великого посада в 1563 г. себя не оправдала, и Иван IV предостерег повторение ситуации [Гейденштейн, 1889, с. 56].

Кроме того, было приказано восстановить Заполотский посад и переселить туда всех мещан. Заполотье было окружено деревянной стеной с валом. Местному населению, в том числе и из других городов ВКЛ, было запрещено селиться на территории обоих замков. Доступ для посещения Софийского собора был разрешен "литовским и земским людям, бурмистрам" только в большие праздники и по небольшому количеству человек. Стрельцам было приказано делать постоянные рейды по посадской территории: "Воеводам Захарье и князю Давыду в остроге быти и дела царя и великого князя беречи и по острогу еженочей голов от себя посылати и самим того еженочей назирати" [Книга полоцкого похода 1563 г., 204, с. 72].

В 1579 г., во время осады Полоцка войсками Стефана Батория, московские войска расположились в Верхнем замке, а "город" (Заполотский посад) выгорел [Гейденштейн, 1889, с. 58].

Таким образом, Великий посад представлял собой незаселённое пожарище с 1563 по 1579 гг. Заполотский посад после взятия Полоцка Стефаном Баторием в 1579 г., по свидетельству Р. Гейденштейна, был опасной территорией, поскольку, кроме пожарища, здесь располагались кладбища, "клоаки и другие грязные места", к тому же венгры из состава королевского войска возвели на бывшем посаде шансы (оборонительные укрепления полевого лагеря) [Гейденштейн, 1889, с. 58].

Восстановление обоих посадов заняло не один год, поскольку инвентарь имущества полоцкого архиепископа за 1580 г. засвидетельствовал на Великом посаде только одну улицу Плиговскую, около которой располагалось одиннадцать незаселенных пляцев [LVIA. F. 599. – Ар. 1. – В. 3, l. 180]. Более чем через полвека - в 1633 г. - упоминаются только крепостные укрепления Заполотского посада, что само по себе говорит о приоритетах в тогдашней застройке [АСД, 1867, с. 271 - 272].

Таким образом, основное предназначение Нижнего замка – защита гарнизона стрельцов – себя не оправдала уже в 1579 г. Как известно, штурм Полоцка в 1579 г. произошёл с противоположной стороны, и под удар попал Верхний замок. После его захвата удержание Нижнего замка становилось бесперспективным [Гейденштейн, 1889].

Фортификационная функция Нижнего замка была значительно слабее Верхнего замка. Оканчательно оборонительную функцию Нижний замок теряет в начале XVIII в. и с того времени становится местом жительства маргинальной части населения Полоцка.

Ремесленное производство в самом Полоцке и на Полотчине в целом в период Ливонской войны не могло активно развиваться. К 1579 году всё пространство от Полоцка до Постава, включая Глубокое и его окрестности, было опустошено войсками Ивана Грозного [Гейденштейн, 1889, с.62]. Во время похода Стефана Батория на Полоцк в 1579 году составе его армии находились, помимо собственно войск ВКЛ (в их число входили и воины из разных частей княжества – Подолья и иных «пограничных областей королевства»), полки венгров, поляков, немцев [Гейденштейн, 1889, с. 54-55]. Так что «интернационализация» уклада жизни коснулась Полотчины в конце XVI века более чем непосредственно. Именно тогда Полотчину как обособленный регион ВКЛ со своими уникальными традициями и укладами открыли для себя многие выходцы из Центральной Европы, среди которых был и немец Пауль Одеборн, создавший очерк истории повседневности [Сагановіч, 2005].

«Вещественным доказательством» такой интернационализации является обнаруженный в Глубоком исключительно редкий образец белорусской художественной пластики конца XVI века: печной изразец. На лицевой пластине изразца отразился библейский сюжет грехопадения, а конкретно – один из семи смертных грехов – сладострастие [Дук, 2017]. Изображение выполнено в традициях европейского ренессанса и маньеризма, но отражает все приметы местной

ремесленной школы как в стилизации изображения, так и в технологии изготовления изразца. Наиболее вероятно, что знакомство глубокского ремесленника с особенностями передачи абсолютно незнакомого для белорусского изразцового искусства сюжета произошло непосредственно вследствие Ливонской войны (восстановление городов Полоцкого региона и активизация контактов с выходцами из Центральной и Западной Европы).

По освобождению Полоцка в городе был основан иезуитский коллегиум, который вскоре стал своего рода проводником новаций не только в образовании, но и в технологиях строительства, ремесле [Соловьев, 2012, с. 16, 92-93], впоследствии внесший значительный вклад в подготовке инженеров по ряду направлений.

Появление иезуитов в Полоцке совпало с преодолениями военных разрушений и сменой парадигмы конфессионального развития региона. Абсолютное большинство церквей было отдано католикам-иезуитам.

В соответствии с Дарственной Грамотой Стефана Батория на основании в Полоцке иезуитского коллегиума от 20 января 1582 г., *в городе* располагались церкви Божего Вознесения (Вознесения Господня), Благовещения, Пятницкая. Основная часть выше указанных в грамоте монастырей и церквей располагались либо на Верхнем замке (монастырь св. Петра, Воскресения Христова (Мошоночный), церкви св. Николая, св. Дмитрия), либо на Острове (монастырь св. Иоанна Предтечи), либо за границами посадской территории (монастыри св. Спаса, св. Михаила Городецкого, св. Козьмы и Дамиана, св. Николая на Полупяте, церковь св. Николая на Лучне). Неопределенной остается локализация церкви св. Очищения или Сретенской [Витебская старина, 1888, с. 73]. Также в 1588 г. упоминается церковь св. Спаса “у месте Полоцкомъ на посаде Великом” [Тарасаў, 1998, с. 173]. Все Полоцкие церкви и монастыри были переданы иезуитам и стали униатскими.

Тем не менее, в Полоцке, как и в большинстве белорусских городов ВКЛ до 60-х гг. XVII в., православные верующие составляли абсолютное большинство [Марзалюк, 2007, с. 29].

После войны наиболее масштабное строительство в Полоцке велось на Великом посаде, который Иваном Грозным с 1563 года не восстанавливался. К этому времени полоцкие иезуиты имели в Полоцке (на правобережной его части) как минимум три юридики. Самая старая из них располагалась на Верхнем замке, основой для которой стали уцелевшие постройки бывшего православного Петропавловского монастыря [История иезуитов в Полоцке, 1912, с. 10 – 11, 14, 31, 32]. Другая юридика иезуитов располагалась в восточной части территории современного Заполотья. Необходимость в данной юридике возникла после отклонения задумки Стефана Батория по строительству коллегиума на Острове за Двиной. Теперь для коллегиума было избрано место между Замком и Заполотьем. Королевскими комиссарами за соответствующую компенсацию у мещан был отчуждён ряд «пляцев» и прежние постройки их снесены. Все строительные работы

по зданиям коллегиума завершились только к 1597 г. [История иезуитов в Полоцке, с. 32]. Последней иезуитами была приобретена юрдика на территории Великого посада, который фактически заново застраивали дворами горожан после 1563 – 1579 гг. практически с нуля. Данное строительство велось крайне медленно, поскольку горожане предпочитали ему уже обжитое, но перенаселенное Заполотье [Дук, 2010, с. 104; Иезуиты в Полоцке, 2005, с. 19]. Данные обстоятельства позволяли ордену более свободно приобретать дворы горожан, т.н. «пляцы», избегая их раздробленности и сводя к минимуму конфликты с горожанами. Иезуитам были предоставлены «пляцы» на месте древней торговой площади, существовавшей до Ливонской войны, они располагались у восточной границы Никольского кладбища при уцелевшей Рождественской церкви. Окончательно коллегиум в западной части территории Великого посада был обустроен с 1641 г. [Иезуиты в Полоцке, с. 19] Это обстоятельство можно объяснить тем, что к этому времени были завершены фортификационные работы по укреплению Великого посада и его территория начала активно заселяться полочанами.

После войны 1654 – 1667 гг. возводятся первые кирпичные корпуса «старого иезуитского коллегиума» Эти корпуса, сложенные из кирпича, вместе с каменницей на сегодняшней ул. Нижнепокровской, 7, имели большую толщину стен, возможно, выполняли и фортификационную функцию, образуя второй ярус обороны Верхнего и Нижнего замков [Салаўёў, 2009, с. 71, 78].

Именно появление иезуитов в Полоцке повлияло в XVI–XVII в. на массовое появление в Полоцке новых технологий возведения больших кирпичных зданий для организации в первую очередь процесса обучения. Данный процесс приводит к зарождению новых традиций монументального зодчества, не связанных только лишь с культовыми памятниками. В XVII веке экспансия иезуитов вынуждает полоцкое православное братство адекватно реагировать на католическую экспансию и связанные с нею вызовы, благодаря чему в городе начинает возводиться кирпичное здание братской школы при строящейся Богоявленской церкви – единственном православном храме в Полоцке. Иезуитский коллегиум в XVIII в. становится «городом в городе» и обеспечивает потребности региона в том числе в высококвалифицированных инженерных кадрах, а также качественно новый уровень строительных новаций [Соловьев, 2012].

Под влиянием иезуитов в XVIII в. Полоцк превращается в крупнейший центр католического сакрального зодчества на территории Беларуси. Этот процесс развивался постепенно в том числе и за счет материального наследия представителей иных конфессий. Так, где-то в восточной части современной площади Свободы или в районе западной части сегодняшнего проспекта Ф. Скорины с середины XVI до середины XVII в. размещался кальвинистский сбор. Он находился непосредственно на рынке, что и обусловило дальнейшую «латинизацию» рыночной площади и образование новой урбанистической

структуры Полоцка, в дальнейшем активно развитой иезуитами [Baranowski, 1994, с. 28, 32]. Последний существовал до середины XVII в. (сожжен в 1660 г.). Сбор размещался на противоположной стороне рынка от иезуитского коллегиума. Согласно описанию сбора 1635 г., он имел большие ворота, новый дом с двумя комнатами (одна из них столовая), сени, кладовую, хозяйственные постройки. В комнатах были лавки, поставленные кругом, две белые печи из зеленых изразцов и одна черная для выпекания хлеба [Иванова, 1992, с. 26].

После войны России с Речью Посполитой (1654 – 1667 гг.) иезуиты вернулись в Полоцк. На месте коллегиума они увидели дома мещан, построенные за время господства московских войск. Иезуиты начали отстраивать на месте прежнего костела “скромный коллегиум” и фарный костел, а напротив, через рынок, на месте бывшего кальвинистского сбора, второй костел Франциска Ксаверия. Последний, по свидетельствах письменных источников, находился на рынке и сгорел во время пожара в 1754 г. [Baranowski, 1994, с. 30, 32].

Во второй половине XVIII – начале XIX веков город переживает настоящий строительный бум, в это время возводится комплекс кирпичных католических монастырей, зданий гражданского назначения, формируется архитектурный ансамбль центральной рыночной площади в бароково-классическом стиле. В это время в Полоцке появились каменные ансамбли францисканского, доминиканского, базилианского и бернардинского монастырей вместе с костелами. В стиле Виленского барокко на месте взорванного в 1710 г. храма возводится Софийский собор (1738-1750 гг.), в середине – второй половине XVIII в. появляются кирпичные здания иезуитского коллегиума вместе с костелом св. Стефана, возводятся жилые корпуса Братской школы вместе с православной Богоявленской церковью, строится дом генерал-губернатора и ряд других общественных построек. Абсолютное большинство перечисленных новостроек было осуществлено в то время, когда Полоцк входил в состав Речи Посполитой. По масштабам каменного строительства XVIII в. это время можно сравнить с эпохой расцвета полоцкой школы зодчества, изменилась только идеологическая окраска: раньше исключительно православное, теперь это было уже преимущественно католическое зодчество. Тем не менее, Полоцк в конце XVIII в. стал городом с развитой полноценной европейской системой застройки центральной части города, что свидетельствует не только о высоком уровне развития культуры, но и о соответствующем экономическом фундаменте таких широкомасштабных осуществлений.

Таким образом, именно последствия Ливонской войны в Полоцке в долгосрочной перспективе обусловили следующие черты идентичности населения Полоцка: отождествления себя с центральноевропейским Под влиянием Ливонской войны продолжилась дальнейшая «европеизация» городского пространства, начатая еще в конце XV в. на примере внедрения новых технологий (появление «светлиц»: помещений и домов с камерными изразцовыми печами, как следствие – новые

веяния в «эстетизации» жизненного уклада), но получившая широкое распространение именно на рубеже XVI–XVII вв. (массовое строительство деревянных светлиц, расширение ассортимента изделий декоративно-прикладных изделий из терракоты и стекла в быту). Данные новации в материальной культуре подробно рассмотрены нами в отдельном издании [Дук, 2007].

Новая реальность, в которой стала проистекать повседневная жизнь полочан в «постливонский» период истории Полоцка нашла проявление не только в расширении католической конфессии и связанной с ней прав католического и униатского населения (унияты – те же католики), но и в этническом плане. В Полоцке, по свидетельству ряда источников, осталась проживать часть людей из московского гарнизона стрельцов Ивана IV. Локализация дворов «москвитов» в Полоцке осталась практически неизменной – бывшие стрельцы проживали на Нижнем замке, ими же когда-то и основанном. Некоторая их часть служила в охране Верхнего замка («гайдуки»). Проявлением их деятельности в 1599 году стали волнения в Полоцке, учиненные «московью» (собственно, жителями московского царства), по причине несогласия с григорианским календарем [Марзалюк, 2003, с. 187].

Таким образом, этническая (наряду с традиционной конфессиональной толерантностью) – еще одна яркая черта идентичности городского населения Полоцка, укрепившаяся вследствие Ливонской войны. При этом конфессиональные конфликты не имели решающего значения, например, на отождествления государственной идентичности. Несмотря на противоречивые тенденции, жители Полоцка, Витебска и Могилева, т. е. исторических центров Белой Руси, воспринимали себя в первую очередь как граждане Великого княжества Литовского, демонстрируя на деле свой государственный патриотизм. Ярким примером, подтверждающим данный тезис, является факт возвращения г. Витебску от короля Владислава IV магдебургского права в 1633 году за награду за военные действия против московских войск (ранее город был лишен магдебургского права за убийство Иосафата Кунцевича) [Марзалюк, 2003, с. 195].

Таким образом, следствием Ливонской войны стало укрепление государственной идентичности населения Полоцка как составной части ВКЛ. Появление иезуитов в Полоцке, непосредственно приглашенных Стефаном Баторием после отвоевания им Полоцка, содействовало модернизации городского пространства (появление на протяжении конца XVI – первой половины XVII в. первых кирпичных корпусов будущего крупнейшего в ВКЛ комплекса коллегіума). Данная модернизация привела в XVIII в. к масштабному строительству сети католических кляшторов с великолепными памятниками сакрального зодчества, а также комплекса братской школы при православном Богоявленском монастыре. После Ливонской войны идентичность населения Полоцка в большей степени соответствовала тенденциям развития ВКЛ как поликонфессионального,

полиэтнического и мультикультурного государства благодаря многочисленным контактам с выходцами из Центральной Европы. На примерах ряда сюжетов произведений декоративно-прикладного искусства из Полоцка и Полоцкого региона можно судить о непосредственном знакомстве с европейской культурой, но укоренению ряда её черт в организации жизненного пространства, эстетических предпочтений.

2. ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНИИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ 1812 ГОДА

Историография войны 1812 года на территории Российской империи и Витебской губернии (составной частью которой являлся Полоцкий уезд) довольно обширна. Также весьма широким представляется спектр исследуемых проблем, от ведения боевых действий до последствий войны на указанной территории. Однако, как заявляют представители современной исторической науки, война 1812 года, как историческая проблема, остаётся на сегодняшний день такой же дискуссионной и актуальной. Среди таких дискуссионных и малоизученных вопросов, можно отметить вопросы, связанные с отношением разных категорий населения Витебской губернии к событиям войны 1812 года и формированием в её условиях этнической идентификации и самоидентификации. В свою очередь, региональная специфика, как предмет изучения внутри проблемы русско-французской войны также представляется актуальным. В данном исследовании мы не будем подробно останавливаться на вопросах военных действий и оккупационной политики французских властей на территории Витебской губернии в 1812 году, а раскроем их в объёме, необходимом для изучения указанных выше проблем. Также следует отметить тот факт, что, рассматривая проблему этнической идентификации и самоидентификации населения Витебской губернии в условиях войны 1812 года, мы рассматриваем исторический период, когда нациообразующие процессы на указанной территории ещё не начались. Поэтому, такие этнические категории как поляк, русский, белорус, литовец и их производные, употребляемые в данном тексте, не могут являться синонимами современных названий наций.

Основная часть территории Витебской губернии была занята французской армией в течение июля 1812 года. Оккупационный режим действовал здесь до конца осени того же года. Пребывая в Витебске, Наполеон специальным указом создал военно-гражданскую администрацию Витебской губернии. Так, витебским военным губернатором был назначен французский генерал Анри Франсуа Мари Шарпантье, гражданским комендантом Витебска – французский политический деятель, маркиз Амеде-Давид де Пасторе. Также в городе была создана административная («правлящая») комиссия (местное самоуправление). В её состав вошли: на правах председателя – генерал Шарпантье (позднее де Пасторе), генеральный секретарь – Ян Щитт; на правах членов в комиссию вошли представители местного крупного католического землевладения во главе с витебским губернским маршалком Юзефом Генрихом ван ден Борхом. Губерния была разделена на 12 уездов, каждый находился под управлением подпрефекта, также назначаемого из местных дворян-католиков. Витебским подпрефектом, например, стал Станислав Богомолец – сын депутата главного Литовского трибунала от Витебского воеводства Петра Тадэуша Богомольца. Его брат Ромуальд Богомолец – подкоморий Городокского уезда в 1811

– 1815 г., - назначен мэром города Витебска. Кроме того, в городе возобновил свою работу магистрат, куда вошли мещане христианского и иудейского вероисповеданий. [Сапунов, 1883; Herbarz Polski, 1899; Эл.энциклопедия e-vitebsk)]. Таким образом, видно, что основу оккупационной военно-гражданской администрации Витебской губернии составляли представители местного дворянского римско-католического землевладения. Однако их роль сильно ограничивалась командованием французского гарнизона, а основные функции сводились к поддержанию материального положения этого гарнизона и частей французской армии. В данной ситуации нам интересен вопрос об отношении, во-первых, местного дворянства к оккупационному наполеоновскому правительству, а во-вторых, отношение этого правительства и его армии к оккупированной территории Витебской губернии и местному дворянству. Следует отметить, что город Витебск, как и большинство городов губернии к моменту вступления в них французской армии остались практически безлюдными. Благодаря мероприятиям, проведённым местной губернской администрацией, большинство городского населения было эвакуировано вместе с государственными служащими в Невель и Великие Луки. Значительная часть жителей городов вынуждена была скрываться в окрестных деревнях и лесах. Меньшая часть горожан (в основном мещане и купцы) оставалась на своих местах жительства. Вот как описывают ситуацию современники-очевидцы событий с разных сторон конфликта. Так, интендант Витебска маркиз де Пасторе отмечал: «Город Витебск был очищен вечером 27 июля (ст.ст.) 1812 года. В городе было великое смятение, генерал-губернатор и офицеры ускакали верхом, жители объаты смертельным беспокойством...при этом Витебск почти не был разграблен [Пасторе, 1900, с. 490]. В свою очередь, медик императорской гвардии Наполеона Доминик де Ла-Флиз в своих воспоминаниях дополняет де Пасторе: « 30 июля 1812 года ...войдя в город Витебск, мы не встретили ни души; дома и окна были заколочены, всё бежало из Витебска...кое-где только встречались обыватели не евреи, да и жида не надоедали нам...они явно изучали нас, с целью воспользоваться обстоятельствами, которые могли бы принести им выгоды, всё равно от русских или французов...наши начальники потребовали от них припасов. В городе также оставались некоторые униатские священники, которые хорошо принимали французов» [Ла-Флиз, 1912, с. 13]. Ещё более сложная ситуация сложилась в городе Полоцке. Вот каким его застал капитан 4 швейцарского полка французской армии: «28 августа 1812 года расположился гарнизоном наш полк в Полоцке...в домах мы нашли только мёртвых солдат. Жители разбежались. Прежде чем занять дома мы должны были похоронить мёртвых...Все остальные полки 2 и 6 корпусов остались в деревнях в 2 – 4 верстах от города. Генеральный штаб занял бывший монастырь иезуитов, где ещё жил старый монах, который оказал нам большие услуги» [Французы в России, 2012, с. 116-117]. Очень интересными с точки зрения нашего предмета исследования,

является фрагмент воспоминаний витебского чиновника губернского правления Гавриила Добрынина. В частности, он отмечал: «Слух о приближении французов к Витебску навёл страх на местных жителей. Национальные россияне начали прежде всех выселять своё имение из домов...а потом и сами удалились. Чиновники им последовали. Часть населения скрывалась в течение нескольких недель в окрестных лесах, в избах крестьян...» [Истинное описание..., 1872, с. 332]. В целом он подтверждал свидетельства французских очевидцев о ситуации сложившейся в городе. Важен тот факт, что Добрынин указывал на присутствие в социокультурной среде Витебска национальных россиян, под которыми он понимал приехавших сюда на государственную службу либо жительство уроженцев великорусских губерний, и, которых противопоставлял всему местному населению. Как следует из дальнейшего текста воспоминаний, кроме национальных россиян в городе проживали чиновники, учащиеся, землевладельцы из местных дворян-католиков (поляков), мещане и купцы всех вероисповеданий. С другой стороны, своё видение социально-этнической структуры «белорусского» общества Витебской губернии предлагает нам известный витебский интендант де Пасторе: богатые дворяне (сплошь поляки) – «околичная шляхта» (без указания этнической принадлежности, но следуя логике, они не были поляками, и тем более, русскими) – горожане-купцы (все «жиды» и русские.) Однако архивные источники свидетельствуют о том, что значительная часть мещан городов Витебской губернии в 1812 году не считали себя ни русскими, ни евреями)...они – мещане, ни в коем случае не являются частью народа, они – существа низшего порядка – крестьяне – рабы [Пасторе, 1900, с. 497-498]. Далее в своих записках де Пасторе употребляет в отношении местных дворян как термин «поляк», так и термин «литовец»: «Литовцы...слабохарактерные...они их гордости отказываются от спокойной жизни, но из нужды попадают в рабство...Презренный народ, две трети которого состоит из рабов...остальная часть хвалится своим богатством лишь для того, чтобы вырвать подачки...и всё ещё кичится своей древней свободой, чтобы повыгоднее продать её [Пасторе, 1900, с. 482]. «Император дал возможность литовцам постановить решение самостоятельно...во главе интендантств поставлен совет из природных поляков...» [Пасторе, 1900, с. 482]. Как видно из текста «Записок», под литовцами де Пасторе понимал бывших граждан Великого княжества Литовского, а поляками называл местных жителей римско-католического вероисповедания, а также этнических поляков.

Несмотря на то, что большая часть населения городов Витебской губернии вынуждена была эвакуироваться либо скрываться, те кто остался довольно тепло встречали солдат «великой» армии и самого Наполеона. Для этого из местных дворян была создана так называемая «депутация», которая и поднесла императору ключи от города. Взамен на благосклонность местной элиты, как говорилось выше, Наполеон даровал им самоуправление [Пасторе, 1900, с. 490]. Гавриил Добрынин в

свою очередь отмечал, что местная учащаяся молодёжь также с симпатией относилась к солдатам наполеоновской армии [Истинное описание..., 1872]. Как следует из архивных документов, местом частых собраний профранцузски, патриотически настроенной католической молодёжи в городе Витебске был дом витебского губернского маршалка Юзефа Генраиха фон ден Борха [Отечественная война..., 1910, с. 94]. Кроме этого, по сведениям российской военной полиции в Витебске накануне вторжения французских войск в начале июля 1812 года существовала угроза восстания против местной администрации со стороны местных «поляков»: «Сверх того, весьма много есть оставшихся пик после милиции в домах, хранящихся собственно у поляков. Слух дошёл до губернатора о том, что многие поляки готовы к вооружению оными, то не прикажите ли оные отобрать» [Отечественная война..., 1910, с. 59]. Картину настроений, царивших в Витебске в начале июля 1812 года дополняет ещё один интересный эпизод. Так, «полицией отыскан поляк Минской губернии Свенцицкий откупщик здешнего города, который приготавливаясь принять в город французов, заказал маляру сделать вывески на всех питейных заведениях с французским орлом с тем, чтобы тотчас по вступлении неприятеля оные всюду поставить... гербы сии приготавливаются и будут готовы 8 числа... начальство даёт время окончить сию работу, чтобы открыть злой умысел.» [Отечественная война..., 1910, с. 59]. Позднее дворянин Свенцицкий был казнён на площади принародно.

Более чётко на позицию дворян-католиков Витебской губернии по отношению к французским оккупационным властям указывают некоторые архивные источники. Так, в частности, из донесения надворного советника Шахова директору российской военной полиции видно, что отношение дворян-католиков Лепельского уезда Витебской губернии к французам было ещё более благосклонным: «3 июля 1812 года вошли в Лепель 40 человек французских красных гусар и польских улан... их принимал в своей квартире лепельский уездный маршалок Гребницкий. Неприятель во всех местах принимаются от жителей с знаками их удовольствия, но даже и там, где нет неприятеля, а только ожидается, они как бы встречают гостей, толпясь в той стороне, откуда ожидают его прихода. А из жителей противных ему есть весьма малая часть... подсудок Хрептович по приказанию Гребницкого и польского офицера французской армии противились рекрутскому набору и занимался разведывательной деятельностью, а также отказался передать провиант русской армии. Сколько слышно здесь из мест, где проходили те войска, они не делают там никаких оскорблений жителям... от императора дано повеление, что каждый повет должен сформировать свой полк для французской армии... от местных помещиков французским офицерам делались денежные пособия [Отечественная война..., 1910, с. 38-39]. Здесь следует отметить, что указанная благосклонность местного католического дворянства могла быть вызвана их надеждами на возрождение «Польши» в условиях, когда территория уезда находилась в составе

Российской империи только с 1793 года, что в значительной степени меньше остальной части губернии. Уже в ходе дальнейших боевых действий французские офицеры также отмечали исключительную гостеприимность местных помещиков-католиков. В частности упомянутый выше, де Ла-Флиз отмечал, что Наполеон должен благодарить местных помещиков за их благосклонность, спасавшую от голода не только отдельных офицеров, но и целые роты [Ла-Флиз Д., 1912, с.17].

Что касается отношений Наполеона и представителей его временной администрации к местному населению и занятой территории Витебской губернии, то об этом вновь свидетельствуют очевидцы и современники событий. Так, французский бригадный генерал из окружения Наполеона Филипп Поль де Сегюр в своих записках отметил весьма интересный момент. Император, будучи в Витебске, сделал поручение двоим офицерам штаба провести мониторинг настроения местного населения по отношению к французам, тем самым показав своё небезразличие [Сегюр, 2014, с.141-142]. В конечном счёте, де Пасторе в диалоге с императором позже резюмировал отношение местного населения к оккупации. На вопрос Наполеона будет ли сопротивляться местная знать и народ, витебский интендант ответил отрицательно [Пасторе, 1900, с. 514]. Далее, у того же де Пасторе, следуют замечания по поводу захваченной территории и отношения к ней. В политико-географическом отношении он не считал Витебск Литвой, к которой относил Вильно, Ковно, Гродно, Минск. В этой связи комендант отмечал, что «нынешнее завоевание не было похоже на предыдущие. Витебск уже с древних времён составлял принадлежность империи царей. Став столицей Белоруссии, он воспринял особенности других русских областей и их дух подчинения (подобное описание Витебска современником встречаем в 1863 году в одном из номеров герценовского «Колокола».) Но в целях императора было выгодно как можно больше раздвинуть пределы Польши ... поэтому он сделал вид, что эта местность лежит в её границах, и слово «завоевание» заменял словом «освобождение». Примечательно, что можно сравнить эту ситуацию с отношением руководителей восстания 1863 года к указанным территориям, когда правительство Франции признавало необходимым организовать здесь вооружённую борьбу с целью указания границ Польши [Пасторе, 1900, с. 491]. Свою благосклонность по отношению к захваченным городам в Витебской губернии Наполеон подчёркивал даже тогда, когда вынужден был отступить из Москвы. «Возмущённый сожжением Москвы (русскими), приказал поступать подобным образом со всеми русскими поселениями. В Белоруссии же император прекратил эти опустошения и издал приказы, наказывающие эти нарушения, к сожалению, эти приказы не соблюдались [Пасторе, 1900, с. 491]. Таким образом, маркиз де Пасторе включает Витебскую губернию (вместе с Могилёвской) в состав Белоруссии, а Минскую, Гродненскую и Виленскую - в состав Литвы. В принципе, для французских эпистолярных источников того времени не свойственно употребление термина Белоруссия в

целом. В то же время, это характерно для российской официальной переписки периода войны 1812 года и российской историографии второй половины XIX века, под влиянием которых были написаны указанные «Записки». Более того, де Пасторе населяет Белоруссию не белорусами или русскими, а – литовцами и поляками (про поляков и литовцев указывалось выше). В связи с вопросом идентификации указанной территории и отношения к ней со стороны представителей российской армии, очень интересными являются воспоминания прапорщика 12 дружины санкт-петербургского ополчения Зотова: «Первый литовский город Невель принял нас для ночлега. Но какую жестокою разницу нашли мы в чувствах и приёме жителей...здесь также как и в России не требовали денег, но ничего и не давали. Обыватели косились на нас и прятали свою провизию в подвалы, купцы закрывали лавки, и только одни космополиты евреи бегали вокруг нас и уверяли каждого в неизменной своей преданности к России [Зотов, 1836, с. 28]. Получается, что Витебская губерния для российского офицера это уже не Россия и не Белоруссия, а Литва (территория бывшего Великого княжества Литовского). О том, что это не субъективное представление Зотова, а мнение, свойственное для современного ему русского общества, свидетельствуют архивные источники. Так, существует целый комплекс документов, составляющий многочисленные прошения и рапорты жителей Витебской губернии (в том числе и «россиян») с просьбой возместить им убытки, вызванные военными действиями и подтверждающий вышеуказанное утверждение. Приведём только некоторые из них:

Из прошения служащего в канцелярии белорусского военного губернатора канцеляриста Лейхтгаммера «...в прошедшем 1812 году при вторжении неприятельских войск, исполняя долг, я удалился в Россию» [РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 92, л.63].

Из прошения помещика из штаб-офицерских детей Смоленской губернии Торопецкого уезда: «имея собственный дом в г. Витебске, при вступлении в него французов, выехал с своим семейством в Россию» [РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 92, л.67].

Из прошения русского чиновника: «По случаю военных обстоятельств, коснувшихся города Витебска я принуждён был отпустить жену мою в конце июня 1812 года с дочерьми на двух белорусских крестьянских тележках на Велиж в Россию [РГИА. Ф. 1309. Оп.1, д.80].

Из прошения секретаря нижнего земского суда Городокского уезда Григория Ушакова: «Во время вторжения неприятеля в пределы Белоруссии, когда от начальства было присутственным местам распоряжение дела вывезти в великорусские города» [РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 95, лл. 133-134]. Таким образом, очевидно, что для большинства прибывших на службу в Витебскую губернию накануне войны 1812 года из великороссийских губерний империи чиновников эта территория не есть ещё Россия и Северо-Западный край, это – Белоруссия,

Витебско-белорусская губерния, это в их сознании ещё чужая территория, что будет характерным явлением для периода правления последующих Романовых.

Что касается проблемы отношения крестьян и мещан Витебской губернии к событиям 1812 года, а также отношения к ним со стороны французской оккупационной администрации и армии, то она представляется нам так же, как и проблема их этнической идентификации и самоидентификации сложной и дискуссионной. Разрешение «крестьянского вопроса» на исследуемой территории той или иной противоборствующей стороной в различные исторические периоды предполагало возможность успеха для одной из них. Это прекрасно понимал Наполеон, который столкнулся в июле 1812 года Витебской губернии с массовым и стихийным движением крестьян (в некоторой степени и мещан) против дворян-землевладельцев, а также с их совместными действиями с французскими мародёрами. Об этом свидетельствуют многочисленные воспоминания очевидцев с обеих сторон конфликта. Так, интендант Витебска де Пасторе писал: «В Витебской губернии царил крайний беспорядок, распространяемый восстанием крестьян... они воспринимали свободу в безудержном произволе. В этих условиях дворяне губернии обратились к императору. Для борьбы с восстанием и мародёрством были созданы летучие отряды [Пасторе, 1900, с. 492]. Его дополняет французский генерал голландский барон Дедем де-Гильдера: «В окрестностях Витебска население проявило революционные чувства. Помещики со всех сторон стали обращаться к витебскому губернатору Шарпантье с просьбой приставить охрану для защиты их от крестьян, которые грабили помещичьи дома и дурно обходились с самими помещиками. Многие семейства, заботясь о своей безопасности, переехали в Витебск!!!» [Французы в России, 2012, с. 139-140]. С другой стороны, такое поведение крестьян подтверждает и представитель витебской губернской администрации Гавриил Добрынин. Он указал, что местные крестьяне, воспользовавшись нашествием грабили вместе с французскими солдатами, а имущество горожан во время оккупации разворовывалось не только армией, но и самими местными жителями [Истинное описание..., 1872, с. 343, 352]. Что показательно, такая модель поведения крестьян Витебской губернии (части крестьян см. предыдущий отчёт) была характерна и во время восстания 1863 года, когда они после его начала активно выступили против дворян-землевладельцев. Однако тогда, местные крестьяне стали на сторону российского правительства. В 1812 году они (за исключением эпизода с крестьянами деревни Жарцы Полоцкого уезда, который воспринимается нами как движение крестьян-староверов в поддержку российского правительства его не поддержали, о чём свидетельствует официальная переписка командования российской императорской армии. Так, в частности, крестьяне Лепельского уезда отказывались снабжать и содействовать снабжению фуражом армию [Отечественная война, 1910, с. 93]. В то же время, есть свидетельства о дальнейшем развитии в Витебской губернии на протяжении лета-осени 1812 года

активного антипомещичьего движения крестьян. В этом отношении показательным является приказ по 1 пехотному корпусу российской императорской армии за №53 от 17.08. 1812 г. (ст. ст.): «Полоцкого уезда крестьяне разных помещиков, взбунтовавшись и соединясь с французскими мародёрами, ходили толпами, грабили мызы и били самих помещиков... драгуны наряжены для усмирения. Но крестьяне, вооружённые ружьями, пистолетами и кольями 9 сентября 1812 года напали на драгун при мызе Казулине, убили 2 человек. Унтер-офицера, 11 рядовых и 38 лошадей отвели в Полоцк к французам. Зачинщикам бунта были: французский капрал, полоцкий шляхтич Игнатовский, дворовой человек помещика Малиновского и несколько крестьян» [Приказы..., 2018, л. 34–34а]. Ещё более убедительным в разрешении этого вопроса является рапорт витебского губернатора (с российской стороны) Лешерна Витгенштейну, в котором он жалуется и требует помощи в виде воинской команды (!) в ответ на действия крестьян Суражского уезда, которые, собираясь «толпами» в количестве до 300 человек нападали на имения своих владельцев, грабили их и всё имущество доставляли французской армии [Отечественная война, 1910, с. 130–131] Ещё ранее, 19 июля 1812 года (ст. ст.) крестьяне Велижского уезда, «вышедши из повиновения, большою толпою разграбили дом своего помещика, весь провиант и скот доставили неприятелю» [Отечественная война, 1910, с. 282]. Во всех приведённых случаях показательным является тот факт, что крестьяне не только оказывали сопротивление представителям российской губернской администрации, а наоборот, содействовали французской. Такая позиция может отчасти объясняться той политикой, которую предложил Наполеон в отношении местного крестьянства. Об этом вспоминает его адъютант Сегюр: «Надо было привлечь народ (крестьян) свободой и более или менее общим восстанием втянуть их в наше дело. Но действовать пришлось среди... отдельных диких крестьян. Некоторые отцы крестьянских семейств просили Наполеона отменить крепостное право и предлагали себя в вожди отдельных восстаний, обещая обратить их в всеобщее... но русское дворянство погибло бы из-за необузданной распушенности крестьян... Такое опасение взяло вверх в мыслях Наполеона, он решил не поднимать движение, которые он не смог бы направить. Сами господа не доверяли своим крепостным и более всего боялись восстания. Православные священники вели пропаганду против французов, также чтобы не допустить восстания [Сегюр, 2014, с. 141–142]. Это намерение Наполеона подтверждает и упомянутый выше барон Дедем: «Я полагаю, что император мог бы возбудить восстание в русских губерниях, если бы он хотел дать волю народу, т.к. народ этого ожидал... Но Наполеону уже было трудно проповедовать революцию в России... [Французы в России, 2012, с.139-140]. Показательным в указанных свидетельствах, является тот факт, что крестьяне (часть крестьян) в форме «делегаций отцов семейств» смогли обратиться к Наполеону, т.е. смогли выступить на тот момент в качестве субъекта истории, несмотря на то, что Пасторе называл их

рабами. Что касается возможности восстания крестьян Витебской губернии при поддержке французской армии, то, на наш взгляд, оно могло быть осуществимо (следует вспомнить антипомещичье движение в Витебской и Могилёвской губернии в 1863 году). Однако, на тот момент в сложившихся условиях, Наполеону была более выгодной поддержка местных дворян. Тем не менее, обещание французского императора отменить крепостное положение осталось в памяти крестьян. Во время восстания 1863 года одним из действенных средств поднять их на антиправительственную борьбу было упоминание возвращения «Наполеона» либо «французов». Относительно проблемы этнической идентификации и самоидентификации крестьянского населения Витебской губернии в 1812 году, следует отметить, что в отличие от привилегированной части населения, оно не соотносило себя ни с какой-либо этнической (территориальной, исторической) группой либо этнической (географической, исторической) территорией и действовали сугубо в своих материальных интересах. Для представителей великорусских губерний (согласно архивных данных) крестьяне Витебской губернии обозначались как «белорусские» крестьяне, «витебские крестьяне», «поляки» (приверженцы униатской церкви), «обыватели» и т.п. (см. выше), для местных дворян – просто «крестьяне».

Позиция горожан иудейского вероисповедания Витебской губернии к событиям 1812 года была более определённой, а точнее сказать, космополитной. Об этом свидетельствуют обе стороны конфликта, что следует из приведенных выше материалов. В целом, отношение евреев к происходящему высказал один из представителей российской дореволюционной историографии Зарин Андрей Ефимович: «Евреи оказали примерное усердие. Один раввин из Полтавы написал послание в Белоруссию, в котором предписывал евреям оставаться верными российскому монарху, оказывать услуги военным начальникам...наложил пост и приказал молиться за успехи русского государя...» [Зарин, 1911, с.31]. Необходимо отметить, что еврейское население в целом придерживалось «предписаний» обозначенного раввина. Так, в частности, драиссенский мещанин Ицък Альтинзлер исполнял при при корпусах российских генералов Витгенштейна и Сиверса «различные» поручения. [РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 95, лл. 133-162]. В то же самое время, мещане-иудеи Витебской губернии такие же «услуги» оказывали и французской армии. В общем, подобное поведение еврейского населения было характерным и для событий 1863 года на рассматриваемой территории.

Что касается решения одной из главных проблем исследования – определения идентичности городского населения Витебской губернии в условиях войны 1812 года, то наиболее объективными данными, на наш взгляд, являются уже упомянутый ранее комплекс архивных источников, составляющий многочисленные прошения и рапорты местного населения о помощи в связи с военными действиями. Так, среди основных используемых в нём «маркеров-понятий» самоидентификации

городского населения (различных сословий)п, можно выделить следующие: «Witebski obywatel Wincenty Gortyllo», «Витебский обыватель Фёдор Рында», «obywatel miasta Witebska Jakob Bohdanowicz», «белорусский дворянин Иван Щебровский», «dwaranka Anna Samowiczowa», «заступающий должность Лепельского городничего подсудок Игнатий Корсак», «Иван Рациборский бывшего польского двора шамбелян», «полоцкая жителька Marta Pietuchowaja» и тд. [РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 95, лл. 133-162].

Таким образом, можно утверждать следующее: во-первых, территория Витебской губернии в период войны 1812 года воспринималась с одной стороны, как - Польша – Литва (бывшая территория Речи Посполитой - Великого княжества Литовского), либо как Белоруссия (в официальной российской либо иной переписке того периода) – территория, приобретённая Российской империей в результате разделов Речи Посполитой 1772 – 1995 гг.). Во-вторых, в условиях отсутствия либо наличия слабовыраженных нациообразующих процессов на исследуемой территории в указанный исторически период этническая идентичность местного населения представляется нами в виде спектра понятий, не связанных с современными определениями этнических маркеров: поляки – дворяне (различного рода занятий) римско-католического вероисповедания, мещане (в малой степени крестьяне) униатского вероисповедания, уроженцы бывшей Речи Посполитой, этнические поляки; литовцы – уроженцы бывшего Великого княжества Литовского независимо от сословного и конфессионального происхождения; русские – чиновники великороссийских губерний либо военнослужащие российской императорской армии, местное православное население. В-третьих, в указанный исторический период этническая самоидентификация дворян-католиков, а также мещан-христиан также спектрально определяется понятиями-маркерами – поляк, литовец, географической координатой – обыватель, житель (жителька) такого-то города (местечка) либо принадлежностью к административной должности бывшей Речи Посполитой – подсудок, подлекарь, шамбелян бывшего «польского двора» и т.д. Этническая идентификация и самоидентификация крестьян Витебской губернии в указанный период выражена слабо.

3. ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛОЦКА И ПОЛОЦКОГО УЕЗДА ПОД ВЛИЯНИЕМ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ 1861 – 1862 ГГ. И ВОССТАНИЯ 1863 Г.

Непосредственному созданию летом 1862 г. полоцкой революционной организации или уездного комитета предшествовали события, происходившие в городе и уезде в течение 1861-1862 гг. и являвшиеся результатом-рефлексией варшавских событий 15(27) февраля 1861 года. В этот день в Варшаве было расстреляно 5 участников мирной демонстрации, требованием которой стало скорейшее осуществление крестьянской реформы. Это событие послужило, по сути, началом национально-освободительного движения в Царстве Польском. [К. Калиновский, 1988, с.7]. Далее оно распространилось на территорию литовско-белорусских или западных губерний. Здесь период с весны 1861 до лета 1862 г. получил название манифестационный или период религиозно-патриотических манифестаций. Манифестации являлись основной формой протеста местного католического населения против действий российского правительства. В октябре 1861 г. манифестационное движение стало возникать и в городе Полоцке. [Кароткія выпіскі..., лл. 290-292]. Здесь, как и в других регионах, патриотические демонстрации имели одинаковую форму и содержание. Они сопровождались пением различных революционных гимнов, ношением мужским населением революционных значков (например – польские одноглавые орлы), женским – чёрных траурных плёзев на платьях. [Из времён польского восстания 1863 года, 1907, с. 791-792] В основном, в рамках этого движения, политические требования не выдвигались, оно являлось, по сути дела, движением солидарности с польским населением Царства Польского. Центром и идеологической основой движения солидарности в Полоцке, как и в других городах западных губерний, был католический костёл в широком смысле слова. Так, местом проведения манифестаций и пения революционных гимнов стал Доминиканский костёл, а проводником революционных идей – его настоятель ксёндз Андрей Пиотровский, который на своих проповедях вдохновлял местное католическое население на борьбу. [Кароткія выпіскі..., лл. 290-292] Не последнюю роль в его консолидации сыграл тот факт, что именно в Полоцке (в Доминиканском костёле) находились мощи одного из самых почитаемых католических святых, покровителя унии Андрея Баболи. Хотя полоцкое католическое духовенство и было основной движущей силой на данном этапе, однако, не единственной. Большую роль в событиях 1861-1862 гг. сыграли студенты Медико-хирургической Академии Петербурга - уроженцы Полоцкого уезда: Бохалович Станислав, Пиотровский Иосиф, Корсак Антоний и Кулак. Они, по видимому, являясь членами подпольных революционных студенческих кружков Петербурга, были высланы «на родину в Витебскую

губернию для возмущения молодёжи к восстанию.» [Кароткія выпіскі..., лл. 1-2]. В последствии эти студенты стали членами полоцкой революционной организации.

Летом 1862 г. в Вильно «Комитет движения» оформился в Литовский Провинциальный Комитет, который стал центральным органом подготовки восстания на территории Литвы и Беларуси [Каліноўскі, 1999, с.402]. Вместе с этим, участники национально-освободительного движения разделились на две известные партии: «белых» и «красных», исходя из целей и методов борьбы.[К. Калиновский, 1988, с.7]. Таким образом, начался организационно-подготовительный этап, на котором выдвигались политические, экономические, культурные требования будущего восстания, разрабатывались методы его проведения, и, наконец, создавалась сеть местных революционных организаций для его подготовки.

В то же самое время, летом 1862 года, в Полоцке начала складываться своя революционная организация. Сначала она существовала в форме тайных собраний или «сеймиков», которые проходили в домах местной католической элиты. Архивные документы упоминают следующие: у полоцкого предводителя дворянства Эдуарда Реутта, ксендза Андрея Пиотровского, городничего Лукашевича, судьи Сумарока, аптекаря Бухартовского [Кароткія выпіскі..., л. 292]. К сожалению, на сегодняшний момент доподлинно неизвестно какие именно вопросы обсуждались на этих собраниях в указанный период, т.е. в конце 1862 г. Поэтому достаточно сложно конкретно установить, какова была политическая ориентация и позиция членов полоцкой революционной организации в отношении будущего восстания. Хотя некоторые косвенные данные, в общем, позволяют раскрыть логику происходивших событий. Так, одной из первоочередных задач революционного движения, которую ЛПК поставил перед всеми уездными комитетами в соответствующей Инструкции в конце октября 1862 г., был сбор денежных средств в пользу восстания [К. Калиновский, 1988, с. 92] Для большинства уездов, в том числе и для Полоцкого, в 1862 г. этот сбор составлял 3% от годового дохода с имущества членов организации [Кароткія выпіскі..., л. 4] Однако, по неизвестным причинам полоцкая организация не смогла собрать необходимую сумму и отправить её в Вильно, в то время, как соседние с этой задачей справились. Поэтому, уже в следующем 1863 г. ЛПК установил для неё повышенный 6% налог [Кароткія выпіскі..., л. 4]. В этой связи, интересным является замечание одного из членов полоцкого комитета Артура Рошковского. Он особо подчеркнул, что «в Лепельском уезде 3% налог полностью собран, а местные дворяне в своей деятельности единодушны», т.е, здесь следует понимать, что они готовы и поддерживают восстание [Кароткія выпіскі..., л. 4] Таким образом, получается, что среди членов полоцкой организации такого единодушия не было. Как отмечалось выше, представители революционного движения 1862-1863 гг. по своим взглядам на будущее восстание разделились на два противоположных лагеря: «белых» и «красных». По видимому, такая поляризация во взглядах имела место и в

полоцком комитете, где большинство членов по своему социальному и материальному положению относились именно к партии «белых». О том, что в этот период внутри организации мог возникнуть конфликт, опять-таки, свидетельствуют лишь косвенные данные. В частности, подобная ситуация сложилась в Инфлянтских уездах (Динабургский, Режицкий и Люцинский уезды Витебской губернии), где большинство в уездных комитетах составляли также представители партии «белых». Так, один из очевидцев событий 1862-1863 гг. в Динабургском уезде граф Евгений Плятер особо отметил, что «вся организация в уезде разделилась на два лагеря: представители первого («красные») считали, что восстание в Инфлянтах и Белоруссии возможно и, что есть все шансы вовлечь в него крестьян; представители второго, которых называли тарговичанами, были настроены категорично против вооружённой борьбы. Т.о., в организации изначально не было порядка из-за постоянного противоречия между политическими лагерями...» [Z okolic Dzwiny, 1912, s. 102-103]. Далее Евгения Плятера дополняет ещё один участник событий Валерий Пшиборовский, указывая на одну из главных причин политических противоречий: «...Большинство литовской и белорусской шляхты считало восстание великим несчастьем, а его начало преждевременным, в случае которого могла начаться крестьянская резня», а по сути, крестьянская революция [Przyborowski, 1902, s. 18-19]. Т.о. указанные факты, действительно, могут свидетельствовать о том, что в полоцкой революционной организации мог существовать подобный конфликт, имея в виду позицию её «белого» большинства. Этим же можно объяснить её фактическое бездействие, а скорее всего, нежелание действовать в направлении подготовки вооружённого восстания.

Коренным образом ситуация изменилась после начала вооружённого восстания в Царстве Польском 10(22).01.1863 года. Это событие и, вместе с тем, Центральный Национальный Комитет вызвали соответствующую реакцию в революционной среде Литвы и Беларуси. 26.01(07.02).1863 г. в Вильно собрался внеочередной многочисленный съезд, на котором представители всего «края» должны были выказать своё отношение к событиям в Варшаве и скоординировать дальнейшие действия в сложившихся условиях. Как отмечают очевидцы событий, «в этот день в Вильно съехалось очень много представителей, даже с далёких околиц Литвы и Минщины, Могилёва и Витебска; приехали почти все мировые посредники и предводители дворян» [Przyborowski, 1902, s. 18-19]. Своих делегатов на съезд в Вильно направила и полоцкая революционная организация. Для этого в первой половине января 1863 года (до 26.01) в Полоцке состоялось собрание её членов под предводительством уездного маршалка Эдуарда Реутта. Всего на собрании присутствовало 18 человек, среди которых можно отметить следующих: Беликович Франц, Рошковский Артур, Рошковский Евгений, Друговино Франц, Друговино Венедикт, Корсак Фортунат, Гласко Троян, Корсак Григорий, Реутт Адам, Саросек Константин, Гласко Антоний. В результате закрытого голосования, в

Вильно делегировались помещики Франц Беликович и Артур Рошковский. Четырёх же помещиков, Гласко Трояна, Саросека Константина, Корсака Григория, Реутта Адама, избрали местными делегатами с функцией уведомления местного населения о происходящих в деле восстания событиях [Кароткія выпіскі..., л. 4].

Большинство прибывших на съезд в Вильно в своих мнениях были единодушными. Несмотря на то, что восстание было признано преждевременным и нежелательным, делегаты не отказались от его необходимости в Литве и Беларуси с тем, чтобы продемонстрировать Европе, что эта территория является неотъемлемой частью Польши. В подтверждение своих намерений, съезд принял решение в организационном порядке подчиниться Варшавскому Народному правительству [Przyborowski, 1902, s. 18-19]. Хотя, ещё ранее, 20.01(01.02.).1863 г. Литовский Провинциальный комитет был переименован во Временное правительство Литвы и Беларуси, от имени которого был издан соответствующий Манифест, выказывающий солидарность с положениями Манифеста Временного Народного правительства от 10(22).01.1863 г. [Смирнов, 1963, с. 116]. Т.о. с этого момента начался период непосредственной подготовки к вооружённому восстанию на территории Литвы и Беларуси. Что касается собственно Витебской губернии и Полоцкого уезда в частности, то здесь этот процесс происходил со значительным опозданием. Это обстоятельство, вместе с ошибками предыдущего этапа, обрекало восстание в этом регионе на неудачу. Несмотря на этот факт, Полоцк и уезд входили в сферу интересов центрального руководства восстанием и имели определённое стратегическое значение в нём.

В административно-территориальном плане вся территория Беларуси была разделена на воеводства и поветы, которые географически совпадали с существующим административным делением на губернии и уезды, за исключением Витебской губернии. В частности, были образованы: Гродненское, Виленское, Минское, Могилёвское, Витебское и Инфлянтское воеводства. В свою очередь, воеводские гражданские революционные организации (комитеты) усиливались военным компонентом, т.е., в их структуру включались соответствующие должности. Так, помимо гражданских воевод и поветовых начальников, вводились институты, соответственно, военных воевод и начальников повстанческих отрядов. Координацией же деятельности гражданского и военного управления в воеводстве занимался назначаемый центральным повстанческим правительством комиссар [Ратч, 1861, с.182]. В Витебской губернии процесс создания воеводских и поветовых военно-революционных комитетов протекал достаточно сложно и противоречиво. Это обстоятельство вытекало из стратегических планов центрального руководства. Во-первых, как говорилось ранее, губерния составила не одно воеводство, а здесь образовывалось два: Витебское и Инфлянтское. Роль последнего увеличивалась фактом нахождения в нём стратегически важной артиллерийской крепости и обеспечением в будущем прикрытия действий иностранного экспедиционного

корпуса на балтийском побережье. Роль же Витебского воеводства представляется достаточно смутно и неоднозначно. Во-вторых, как следствие первого, существовала проблема подбора и назначения военно-гражданского руководства комитетов. Так, в Инфлянтском воеводстве структура управления сложилась достаточно чёткая. Гражданским воеводой сюда был назначен динабургский помещик и противник вооружённого восстания Владислав Солтан, военным воеводой – сын динабургского помещика, отставной драгунский капитан Зигмунд Буйницкий и, наконец, комиссаром – Юзеф Понсет. Последний был выслан сюда Варшавским народным правительством под псевдонимом Дэмбовский [Korzon, 1896, s. 254, 408; Каліноўскі, 1999, с. 321, 411; Maliszewski, 1930, s. 97]. В Витебском же воеводстве, куда организационно входил и Полоцкий повет, ситуация сложилась значительно хуже. Сюда гражданским воеводой был назначен некий Антоний Окушко. По свидетельствам руководителя Виленского Комитета Якуба Гейштора, вначале он характеризовался с наилучшей стороны, однако после начала восстания оказался бездейственным. Скорее всего, будучи противником восстания, отказался действовать. После него должность воеводского никто не занимал. Кто же являлся военным воеводой и комиссаром в Витебском воеводстве доподлинно не известно, скорее всего, соответствующие назначения не проводились. Получается, что подготовка к восстанию на этой территории после начала восстания была свёрнута. Однако, события, которые происходили в это время в Полоцком уезде, позволяют нам представить картину после ухода Антония Окушко более ясной.

Между 10.02 и 18.02.(22.02-03.03)1863 г. из города Режицы (Инфлянты) в имение Белое Лепельского уезда приехал уполномоченный от Инфлянтского воеводства Мечислав Цяпинский. Здесь он встретился с полоцким помещиком Иваном Друговино и двумя лепельскими отставными служащими, братьями Станиславом и Владиславом Улинскими. После чтения Манифеста от 20.01(01.02)1863 г. Цяпинский привёл их к присяге на верность восстанию посредством специального клятвенного обещания, в котором между прочим, особо подчёркивалась двойная ответственность местной революционной организации перед Варшавским Народным правительством и Временным правительством Литвы и Беларуси [Кароткія выпіскі..., лл. 1-2]. Тогда же инфлянтский уполномоченный сообщил, что скоро в Полоцкий повет прибудет начальник Дембовский с целью раскрытия задач восстания для членов местной организации [Кароткія выпіскі..., лл. 1-2] Т.о. мы видим, что произошло организационное и территориальное переподчинение Полоцкого уезда (но не всей Витебской губернии) Инфлянтскому воеводству, т.к. Дембовский, он же Юзеф Понсет, являлся в это время его комиссаром. 18.02.(03.03)1863 г. Иван Друговино по поручению Цяпинского приехал в Полоцк, где привёл к присяге ещё 16 членов местной революционной организации. [Кароткія выпіскі..., Л.3]. Именно с этого момента началась непосредственная деятельность полоцкого комитета по подготовке восстания.

Основные задачи комитета в этом направлении регулировались Инструкциями ЛПК от 28.10.1862 г. и Временного правительства Литвы и Беларуси от 20.01(01.02.)-27.02(11.03.)1863 г. [Каліноўскі, 1999, с. 91-93, 96-97]. Среди наиболее приоритетных задач деятельности полоцкого комитета, согласно Инструкциям, можно выделить следующие: революционная пропаганда, сбор денежных средств на поддержание восстания, заготовка оружия и боеприпасов, а также провианта. Исходя из задач, конечной целью деятельности комитета являлось создание боевых повстанческих отрядов [Каліноўскі, 1999, с.91-93, 96-97]. Первоначально революционную пропаганду предполагалось вести среди помещиков-католиков, а также среди воспитанников и преподавателей Полоцкого кадетского корпуса. Среди первых пропаганда была необходима для получения в первую очередь денежных пожертвований. В разных частях Полоцкого уезда выполнением этой задачи занимались по поручению держателя комитетской казны Артура Рошковского следующие члены организации: Иван Друговино, Мечислав Цяпинский, Александр Зеленский и Иосиф Шульц [Кароткія выпіскі..., лл. 2,5]. Доподлинно не установлено, какой общей суммой в итоге располагал комитет и как были распределены собранные средства. Известно только, что Иван Друговино собрал 81 рубль серебром и передал их Артуру Рошковскому для дальнейшей отправки в Вильно. В этой связи, он уточнял, что параллельно с ним сбором пожертвований и налогов на территории Полоцкого уезда занимался Мечислав Цяпинский [Кароткія выпіскі..., л. 2]. Скорее всего, в результате несогласованности действий по выполнению этой задачи, значительная часть денежных поступлений шла мимо казны комитета, что, несомненно усложняло его материальное положение. Одновременно с пропагандой среди помещиков-католиков, шла пропаганда среди воспитанников Полоцкого кадетского корпуса и его преподавателей, но уже с целью вовлечения их к делу создания повстанческих отрядов. Так, очень часто на собрания революционной организации приглашались корпусные офицеры Смирновы, Дубасовы, а также офицеры Муромского пехотного полка [Кароткія выпіскі..., л. 2]. Не смотря на эти усилия, они не приняли участия в вооружённых действиях на стороне повстанцев. Более успешными, но тоже незначительными были результаты пропаганды среди кадет, которой занимались студенты Станислав Бохалович и Антоний Корсак. Им удалось привести к присяге кадета фон Корфа, который в свою очередь должен был заниматься дальнейшей агитацией в этой среде [Кароткія выпіскі..., лл. 1-2]. Кроме этого известно, что двое кадет-экстернов вошли в состав повстанческого отряда, который вскоре был разбит и они попали в плен [Из времён польского восстания 1863 года, 1907, с. 800]. Непоследовательной и непостоянной была деятельность членов полоцкой революционной организации по привлечению к восстанию крестьян. Хотя ранее Мечислав Цяпинский предложил и рекомендовал достаточно удачную схему пропаганды в этой социальной среде, которая использовалась в Инфлянтах. Согласно этой схеме, основная обязанность в данном

случае возлагалась на мелкопоместных шляхтичей, которые в свою очередь воздействовали на сельских писарей и старост, они – на государственных крестьян, а последние – на временнообязанных [Кароткія выпіскі..., л. 3]. С этой целью 25.02(08.03)1863 г. в Полоцке под председательством уездного предводителя дворян Эдуарда Реутта состоялось собрание мелкопоместной шляхты Полоцкого уезда. На нём, между прочим, Реутт озвучил, что уезд в случае восстания может рассчитывать на 300-400 человек [Кароткія выпіскі..., л. 10]. На деле же эта цифра оказалась значительно преувеличенной. Каким образом реализовывались решения этого съезда точно не известно. Скорее всего, могло просто не хватить времени на это, т.к. в начале следующего месяца революционная организация просто перестала существовать. Несмотря на это, известны случаи распространения среди крестьян Полоцкого уезда Манифеста от 20.01(01.02)1863 г. и другой революционной литературы на белорусском языке, в особенности «Мужыцкай праўды» і «Гутаркі двух суседзей» [Кароткія выпіскі..., л. 13]. Так или иначе, восстание показало, что в целом крестьяне этого региона не поддержали его. Незначительная их часть оказала вооружённое сопротивление повстанцам (крестьяне-старообрядцы), другая – выказала бездействие.

Так же плохо обстояли дела полоцкого комитета по заготовке оружия и боеприпасов. Известно, что этим занимались Адам Чашницкий и Антон Корсак. Оба были посланы в Санкт-Петербург для приобретения ружей, свинца и пороха. Порох был приобретён ими в полном объёме, однако дошёл только до Калуги, а ружья и свинец закупить в полном объёме не удалось [Кароткія выпіскі..., лл. 3-4]. Таким образом, основной канал поставки боеприпасов перестал существовать. Небольшое количество свинца и пороха для будущих отрядов члены организации приобрели у местных евреев [Кароткія выпіскі..., лл. 3-4]. Разумеется, этого было недостаточно, чтобы увеличить боевой потенциал местных повстанческих сил. В таком тяжёлом положении полоцкий революционный комитет находился в конце февраля 1863 г. Ещё более усугубило ситуацию предательство одного из его членов – кадета фон Корфа, который раскрыл все намерения организации директору Полоцкого кадетского корпуса. В начале марта 1863 г. по распоряжению Шефа жандармов начались преследования, а уже 07.03.(19.03) был арестован первый член комитета – Иван Друговино. В течении следующей недели была арестована большая часть участников организации. [Кароткія выпіскі..., лл. 3-4]. Только некоторым удалось скрыться и войти в состав повстанческих отрядов на территории Полоцкого уезда и смежных с ним районов.

Что касается сословного состава участников полоцкой революционной организации, то 100% (41 человек) её членов были дворяне. Однако более подробный анализ социальной стратификации не делает вывод таким однозначным. Так, 58,5% (24 человека) являлись средними и мелкими землевладельцами, 6 из них – отставные военнослужащие, 7 – отставные госслужащие, 22% (9 человек) являлись

служащими уездной администрации, 5 студентов, 1 ксёндз и 2 дворянина, род занятий для которых не указан. В целом в период антиправительственного движения 1861 – 1862 гг. и восстания 1863 года в Полоцке и Полоцком уезде главными их участниками были представители дворянского сословия римско-католического вероисповедания. Этническое большинство среди них составляли дворяне-уроженцы белорусских губерний Северо-Западного края, которые, восприняв польский язык и культуру, идентифицировали себя как поляки. Этнические поляки и русские составляли абсолютное меньшинство.

Если говорить непосредственно о событиях вооружённого восстания 1863 года в Полоцке и Полоцком уезде, то следует упомянуть о планах повстанческого руководства захвата стратегически важного Полоцка. Однако все попытки это осуществить оказались неудачными. На территории Полоцкого уезда в 1863 г. произошло одно боестолкновение повстанцев с правительственными войсками. 11 (23) мая остатки отряда Болеслава Кульчицкого были разбиты частями Галицкого резервного пехотного полка близ имения Тродовичи. Ещё две вооружённые стычки произошли в непосредственной близости от границы Полоцкого уезда: 24 апреля (6 мая) возле имения Непадовичи (Себежский уезд) ротой Костромского резервного пехотного полка был разбит повстанческий отряд Болеслава Кульчицкого численностью до 210 человек. В этот же день остатки отряда были ещё раз атакованы возле местечка Клястицы.

Таким образом, полоцкий поветовый революционный комитет перестал существовать. Его деятельность по подготовке восстания ограничилась временем около двух недель. В таких обстоятельствах, ни одна из поставленных перед ним задач в полной мере не была выполнена, также как и конечная цель деятельности. В дальнейшем это в значительной степени усложняло процесс подготовки и ведения вооружённой борьбы в этом регионе, который продолжал оставаться в подчинении Инфлянтского воеводства. Однако основная революционная инициатива сосредоточилась в руках командиров отдельных повстанческих отрядов, что усложняло общую координацию действий из центра. В конечном счёте, это привело к тому, что в апреле 1863 г. царскими войсками легко был сорван план захвата повстанцами города Полоцка, а в мае этого же года небольшие полоцкие повстанческие отряды были разбиты при попытке перейти на территорию Инфлянтского воеводства. Таким образом, военные действия в Полоцком уезде окончились.

4. ИДЕНТИЧНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛОЦКА И ПОЛОЦКОГО РЕГИОНА ПОД ВЛИЯНИЕМ СОБЫТИЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Первая мировая война, начало которой летом 1914 г. Полоцк встретил в глубоком тылу воюющей русской армии, обернулась для города и региона целым рядом значительных потрясений, прямо повлиявших и на идентичность местного населения, и на последующие судьбы многочисленных выпускников хорошо известного в Российской империи Полоцкого кадетского корпуса, имеющих прямое отношение к полоцкой истории. Прямым последствием завершившихся в ноябре 1918 г. боевых действий первой мировой войны стали начавшиеся уже в начале 1919 г. военные конфликты между получившей независимость Польшей и Советской Россией, также самым существенным образом отразившиеся на идентичности полочан и жителей региона, причем не только в период, предшествующий подписанию Рижского мира между воюющими сторонами в марте 1921 г., но и вплоть до ликвидации межвоенной польской государственности осенью 1939 г. [Борисёнок, 2013, с. 127-128].

Во второй половине 1915 г. Полоцк и Полоцкий регион фактически превратились в прифронтовую зону. С этим был связан и резкий рост населения города – по состоянию на 1 января 1916 г. в Полоцке, бывшем вторым по величине городом Витебской губ. после самого Витебска, насчитывалось около 42 700 жителей, т.е. рост более чем вдвое по сравнению с 20 794 человек по данным первой всеобщей переписи населения Российской империи 28 января 1897 г. Население же Полоцкого уезда, второго по площади (4267 кв. верст) уезда губернии после Люцинского, возросло далеко не так значительно – около 150 400 человек на 1 января 1916 г. (по числу населения Полоцкий уезд уступал Лепельскому и Двинскому уездам) в сравнении с 142 090 чел. по переписи 1897 г. [Борисёнок, 2013, с. 126; Сяменчык, 2012, с. 277].

Как и в 1897 г., в 1916 г. большую часть населения Полоцка составляли представители иудейского вероисповедания (в годы первой мировой войны насчитывалось 20 синагог), православные по вероисповеданию (108 287 человек из общего числа лиц крестьянского сословия в 127 тыс.) составляли большую часть населения уезда (при этом в самом Полоцке православных храмов было 7), в уезде также насчитывалось около 20 тыс. католиков (при численности дворянского сословия около 2100 человек и одном католическом костеле в Полоцке) и около 11 тыс. старообрядцев, число которых заметно возросло по сравнению с данными переписи 1897 г., зафиксировавшими 5953 приверженца старой веры [Витебский вестник. 1916. 17 декабря]. Налицо некоторый рост числа католиков и почти двукратное увеличение числа приверженцев старой веры после изменений в законодательстве в сторону веротерпимости, принятых в Российской империи в апреле 1905 г.

В экономическом плане развитие города с началом первой мировой войны изменилось в сторону выпуска оборонной продукции несущественно (появились мастерские организаций по обслуживанию фронта, в частности Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов). В Полоцке функционировало 50 фабрик и заводов с общим числом рабочих не более 8 тысяч человек, но большинство их было мелкими кожевенными, кирпичными, лесопильными, мукомольными, спичечными и др. предприятиями [Витебский вестник. 1916. 20 октября].

Годы первой мировой войны для Витебской губ., включая и Полоцкий регион, сопровождались призывом в армию более половины мужского населения (всего по Витебской, Могилевской и Минской губ. было призвано 630 тыс. человек), перемещением через Полоцк как крупный железнодорожный узел масс беженцев (всего с территории Белоруссии уехало около 2 млн беженцев). При этом белорусский язык и в военные годы оставался родным для большинства жителей Полоцкого уезда – если по данным переписи 1897 г. таковых было 73,1 %, то по проводившейся в условиях польско-советской войны переписи 1920 г. – 74,9 % [Борисёнок, 2013, с. 127-128]. В 1920 г. значительная часть покинувших родину местных крестьян уже вернулась домой с фронтов и из эвакуации, и полученные данные наглядно свидетельствуют о том, что на массовую идентичность населения в плане его языковых предпочтений военное и революционное лихолетье практически не повлияло.

До лета 1917 г., когда после провала летнего наступления русской армии Полоцкий уезд наряду с тремя другими уездами Витебской губ. (Городокским, Невельским и Лепельским) был переведён на военное положение, меры властей по поддержанию порядка не представлялись здесь излишне жёсткими. Полоцк и регион располагались в тылу 3-й армии Западного фронта (командующий с 3 июня 1915 г. по 3 апреля 1917 г. генерал от инфантерии Леонид Вильгельмович Лещ, 1862 – 1934), здесь также действовали обязательные для населения распоряжения военного времени, подписанные главным начальником Двинского военного округа (с 16 сентября 1915 г. по 25 апреля 1917 г. им был генерал от инфантерии Дмитрий Петрович Зуев, 1854 – 1917), а также витебским губернатором (в 1915-1917 гг. им был камергер Николай Павлович Галахов, 1855 – 1936). Местную власть олицетворяли глава Полоцкой уездной земской управы В.В. Спажанский и уездный предводитель дворянства Александр Васильевич Вырубов (1880 – 1919) [Витебский вестник. 1916. 1 октября; 24 декабря]. Последний большую часть времени проводил в Кисловодске – старшему лейтенанту русского флота Вырубову, чудом спасшемуся во время русско-японской войны 31 марта 1904 г. после взрыва на эскадренном броненосце «Петропавловск» и недолгое время в 1907-1908 гг. бывшему мужем приближенной к императрице Александре Федоровне фрейлине

императрицы А.А. Вырубовой (в девичестве Танеевой), постоянно требовалось лечение.

Порядок в Полоцке и прилегающем регионе вплоть до Февральской революции 1917 г. поддерживался без особых эксцессов. Полоцкий гарнизон насчитывал около 6000 солдат и офицеров, город (в отличие от Барановичей, Могилева, Витебска, Минска и ряда других белорусских городов) избежал повышенной концентрации военно-бюрократических структур империи. Неприятности полочанам и жителям уезда доставляли строгости распоряжений в рамках режима прифронтовой зоны (борьба с дезертирами и уклонистами от военной службы, запрет забастовок на предприятиях, имеющих отношение к обороне страны, меры по борьбе с завышением цен на товары первой необходимости, воспрещение переписки на немецком, латышском языках и на идише), дополнявшиеся общегосударственными мерами по введению «сухого закона». Для нарушителей большинства таких распоряжений обычно применялось тюремное заключение сроком на три месяца, ввиду чего Полоцкая тюрьма и ее начальник титулярный советник Гильгнер страдали от переполнения заключенными, и «государственных преступников» в 1916 г. рекомендовалось направлять в Смоленск.

При этом каких-либо волнений и беспорядков в Полоцке в последние годы существования Российской империи не отмечалось, среди правонарушений преобладали самогоноварение, уклонение от воинской повинности (не слишком распространенное) и нарушение ограничений, установленных в прифронтовой зоне для евреев [Сяменчук, 2012, с. 278-279]. Последние были сняты с победой Февральской революции 1917 г., о которой жители города и уезда узнали с опозданием – информацию пытался придержать главный начальник Двинского военного округа Д.П. Зуев. Существенные перемены в идентичности испытали после Февральской революции все социальные слои и группы Полоцка и региона. С этого момента и вплоть до прихода к власти большевиков значительную политическую активность стали проявлять представители полоцкой еврейской общности, придерживавшиеся в основном бундовских и меньшевистских позиций. Среди них особо выделялся своей активностью меньшевик Г.И. Левин, ставший в марте 1917 г. первым председателем полоцкого Совета рабочих депутатов. Тогда же был создан и Совет офицерских и солдатских депутатов, исполком которого возглавил начальник Полоцкого гарнизона подполковник Бежанбек. У двух советов была тесная координация деятельности, в том числе общий исполком в составе четырех комиссий (издательской, агитационной, финансово-хозяйственной, судебно-следственной).

Среди крестьянства Полоцкого уезда и большинства солдат Полоцкого гарнизона, в армейском комитете 3-й армии (ее штаб в 1917 г. находился в Полоцке) доминировали социалисты-революционеры: в частности, весь президиум

крестьянского съезда Полоцкого уезда, состоявшегося в Полоцке 8-9 июня 1917 г. с участием 213 депутатов, состоял из одних лишь эсеров, они же контролировали деятельность выходившей в Полоцке газеты «Голос III армии» [Сяменчык, 2012, с. 281-283]. В период пребывания у власти Временного правительства и наступления т.н. «революционной демократии» эсеры вносили значительный вклад как в разложение армейских рядов (к тому же весной 1917 г. 3-я армия была переформирована, а с 3 апреля по 8 ноября 1917 г. в ней сменилось четверо командующих, генерал-лейтенанты М.Ф. Квещинский, Я.К. Цихович, И.З. Одишелидзе и Д.П. Парский; последним командующим армией уже в условиях советской власти стал подпоручик С.А. Анучин), так и в резкое повышение агрессивности выступлений крестьян Полоцкого уезда.

Проэсеровски настроенные солдаты летом 1917 г. сорвали демократические выборы в городскую думу, причем Полоцк стал единственным белорусским городом, в котором из-за массовых нарушений результаты выборов были отменены окружным судом в Витебске (15 октября 1917 г. пришлось проводить повторные выборы). Отличились и крестьяне Полоцкого уезда – на земских выборах 30 августа 1917 г. некоторые из них избивали членов избирательных комиссий, пришлось вмешиваться созданной в Полоцке в марте 1917 г. народной милиции и депутатам Совета солдатских депутатов. Если в этом случае ограничились лишь арестами зачинщиков беспорядков [Витебское слово. 1917. 24 октября], то в октябре 1917 г., буквально накануне свержения Временного правительства, слабеющим на глазах властям «народной демократии» в двух волостях Полоцкого уезда пришлось применять вооруженную силу после того, как крестьяне начали массовую вырубку леса, причем с разрешения местных земельных комитетов, глав которых пришлось арестовывать. За месяцы существования власти Временного правительства резко увеличилась и преступность, в том числе бытовая, в Полоцке и Полоцком уезде.

Стоит особо отметить, что власть в Полоцке и регионе с марта по конец октября 1917 г. (по старому стилю) была именно советской, и лозунг В.И. Ленина «Вся власть Советам» накануне Октябрьской революции к полоцкой ситуации не подходил. Речь шла о реформатировании власти в самих Советах, чем и попытались заняться вышедшие лишь 9 октября 1917 г. за пределы местного гарнизона весьма немногочисленные до установления советской власти большевики. В реальности их было даже не 75 человек, как утверждали авторы исторического очерка о Полоцке 1987 г. издания, а не более 35-40 человек [Полоцк, 1987, с. 128; Сяменчык, 2012, с. 283-284].

Важным, перспективным и в настоящее время пока ещё недостаточно разработанным направлением исследования является анализ перемен в идентичности прошедших первую мировую войну многочисленных выпускников существовавшего с 1835 г. Полоцкого кадетского корпуса, в том числе

представителей военного сословия, имевших непосредственное отношение к дворянству региона [Шишков, Борисёнок, 2018, с. 108-111].

В судьбе широко известного в императорской России военно-учебного заведения с началом боевых действий произошли очень серьёзные перемены. Уже в сентябре 1914 г. Полоцкий кадетский корпус был эвакуирован. Его штаб и канцелярия корпуса были направлены в Симбирск, 1-ю роту присоединили к Владикавказскому кадетскому корпусу, 2-я рота была первоначально присоединена к 1-му Московскому, а с 1915 г. – к Одесскому кадетскому корпусу, наконец, 3-я рота – к Сумскому кадетскому корпусу. Последний выпуск в Полоцком кадетском корпусе состоялся в мае 1917 г. Временное правительство отказалось от содержания гимназий военного ведомства, и они подлежали упразднению [Поляков, 2010, с. 19].

Десятки выпускников единственного на всю Витебскую губ. военно-учебного заведения героически проявили себя на полях сражений первой мировой войны. По всей империи разлетелась весть о гибели осенью первого военного года 21-летнего князя императорской крови Олега Константиновича (1892 – 1914), сына великого князя и писавшего под псевдонимом К.Р. известного поэта Константина Константиновича, бывшего с 1900 г. главным начальником военно-учебных заведений и в этом качестве часто бывавшего в Полоцке [Поляков, 2010, с. 60-68]. В 1903 году 10-летний правнук императора Николая I выдержал вступительный экзамен в Полоцкий кадетский корпус и был зачислен в списки кадетов, но в действительности оставался в Петербурге и получал домашнее образование. В 1910 г. Олег Константинович успешно сдал экзамены за курс кадетского корпуса. С началом первой мировой войны он командовал взводом лейб-гвардии Гусарского полка на Северо-Западном фронте, отказавшись от предложения стать ординарцем в Главной квартире, и получил смертельное ранение в стычке с германскими кавалеристами 27 сентября 1914 г. 25 декабря 1914 г. высочайшее повеление Николая II гласило: «1-й роте Полоцкого кадетского корпуса присвоить наименование: „роты Его Высочества Князя Олега Константиновича“, дабы сохранить на вечные времена среди кадет названного корпуса память об Августейшем Полочанине, положившем жизнь Свою на поле брани за Царя и Отечество» [Князь Олег, 1915, с. 34].

Даже краткое перечисление оставивших заметный след в битвах Первой мировой войны выпускников Полоцкого кадетского корпуса ярко высвечивает прочность традиций учебного заведения, дававшего молодым людям отличное первоначальное военное образование. Среди героев войны разных поколений кадетов-полочан выпускник 1904 г. военный летчик Глеб Васильевич Алехнович (1886—1918), который летал на «Илье Муромце» ещё перед войной; выпускник 1879 г. генерал-лейтенант, командир 1-й Кавказской туземной конной дивизии Дмитрий Петрович Багратион (1863 – 1919); полководцы из литовских татар, выпускник 1901 г. штаб-офицер Ставки полковник Александр Халильевич

Базаревский (1884 – 1938) и выпускник 1890 г. уроженец Волковысского уезда генерал-майор Яков Давидович Юзефович (1872 – 1929), начальник штаба упомянутой Кавказской дивизии; выпускник 1874 г. комендант Осовецкой крепости генерал-лейтенант Николай Александрович Бржозовский (1857 – после 1930); выпускник 1890 г. полковник Алексей Алексеевич Винокуров (1870—1935), командир 418-го Александровского пехотного полка; выпускник 1891 г. генерал-майор Дмитрий Сергеевич Всеволожский (1874—1918); выпускник 1895 г. генерал-майор Владимир Васильевич Голицын (1878 – 1919), близкий соратник генерала Л.Г. Корнилова; выпускник 1895 г. Георгий Иванович Гончаренко (псевдоним Юрий Галич, 1877 – 1940), генерал-майор Генштаба, журналист и писатель, возможный автор текста знаменитой песни «Поручик Голицын»; сын уроженца Полоцка, генерала и кадета-полочанина выпускник 1893 г. Сергей Яковлевич Гребенщиков (1874 – 1933) – генерал-майор, командующий лейб-гвардии Драгунским полком; выпускник 1869 г., происходивший из потомственных дворян Витебской губ. генерал от инфантерии, командующий 10-й армией Евгений Александрович Радкевич (Родкевич) (1851 – 1930), полководческими способностями которого восхищался даже германский фельдмаршал Э. Людендорф, и многие другие.

Примечательно, что среди бывших кадетов-полочан, воевавших на первой мировой, встречались не только пехотные, кавалерийские или артиллерийские офицеры, но также авиаторы, флотоводцы, три же окончивших Полоцкий кадетский корпус в одно время человека в военные годы находились на высоких чинах в области политического сыска: выпускник 1888 г. Константин Иванович Глобачёв (1870 – 1941) был начальником Петроградского охранного отделения; выпускник 1889 г. дворянин Витебской губ. Евгений Константинович Климович из (1871 — 1930) стал главой Департамента полиции Российской империи, его однокашник Михаил Фридрихович фон Коттен (1870 – 1917) был до 1914 г. начальником Петроградского охранного отделения, а в годы войны занимался организацией разведки на территории Германии и Австро-Венгрии, создав в Швейцарии резидентуру под названием «организация № 31».

Не всем выпускникам Полоцкого кадетского корпуса суждено было дожить до окончания войны. Геройски погиб в бою под Глинянами в Польше выпускник 1885 г. дворянин Виленской губ. генерал-майор, начальник штаба 7-го Сибирского корпуса Владимир Николаевич Токарев (1867 – 1915). Высочайшим повелением от 18 декабря 1915 г. он был награжден орденом св. Георгия 3-й степени «за то, что в бою 13-го июня 1915 года к северу от посада Глиняны, временно командуя, до отбытия к новой должности, названным полком и лично управляя его действиями, под сильным и действительным артиллерийским и ружейным огнем, блестяще отразил все настойчивые атаки значительно превосходившего в силах противника, и нанеся ему громадные потери, разбил атакующие части противника, отбросил

далеко назад и вынудил его временно отказаться от новых попыток к активным действиям. Такими решительными, вполне согласованными с обстановкой и своевременными действиями, генерал-майор Токарев, выдержав бой с превосходным в силах противником, остановил движение его в направлении: Глиняны, Тарлов и Юзефов, чем предотвратил весьма трудное положение, угрожавшее соседним частям. При этом содеянный им геройский подвиг запечатлел своей смертью на поле сражения».

У воевавших на первой мировой войне выпускников Полоцкого кадетского корпуса, происходивших из белорусских дворян и носивших т.н. «польские» фамилии, были две распространённые возможности продолжения карьеры с соответствующими переменами в идентичности – у большевиков в РККА и, в соответствии с фамилией, Войске Польском (по ходу Гражданской войны открывались и иные варианты – так, выпускник 1874 г. дворянин Витебской губ. Александр Францевич Рагоза (8 [20] июня 1858, Витебск — 29 июня 1919, Одесса) генерал от инфантерии русской армии, командовавший в годы войны 4-й армией, с 30 апреля по 13 декабря 1918 г. был военным министром Украинской Державы гетмана П.П. Скоропадского. Обладатель воинского звания «генеральный бунчужный», соответствовавшего фельдмаршалу, был расстрелян большевиками в Одессе 29 июня 1919 г. после отказа Рагозы поступить на службу в Красную Армию).

Для наглядного знакомства с вариантом выбора советской идентичности военачальников возьмём весьма распространённую на белорусских землях фамилию Новицкий. Среди 44 офицеров Новицких, указанных интернет-ресурсом о Первой мировой войне «Офицеры РИА», преобладают носители православного вероисповедания, у многих, впрочем, биографические данные весьма кратки. Среди православных Новицких выделяются три родных брата из дворян Смоленской губернии, родившиеся в Радомской губ. Царства Польского, выпускники Полоцкого кадетского корпуса и Николаевской академии Генерального штаба – Евгений Федорович (1867 – 1931) Василий Федорович (1869 – 1929) и Федор Федорович (1870 – 1944). Все трое к 1914 г. стали генералами, старший в 1915 г. был повышен в чине до генерал-лейтенанта.

С началом Гражданской войны пути старшего и двух младших братьев решительно разошлись, старший брат пошёл войной на двух младших [Каминский, 2003, с. 119-121]. Евгений Федорович Новицкий служил у Деникина и Врангеля, эмигрировал в югославянские земли и трудился в инспекции пехоты армии Королевства СХС, отметившись на склоне лет красноречивыми размышлениями о сущности подвига на войне вплоть до отрицания героизма толстовского капитана Тушина: «Тушин стоял на позиции только потому, что это было ему приказано, и хотя он не мог видеть опасности своего положения, но думал, что действует по

приказанию. А вот спасение князем Андреем батареи Тушина – вот это настоящий подвиг» [Новицкий, 1930, с. 138].

Василий Федорович и особенно младший, Федор Федорович, внесли весьма зримый вклад в становление Красной Армии, поступив на службу к большевикам добровольно, т.е. по логике их старшего брата, совершив подвиг («чтобы служебное деяние превратить в подвиг, прежде всего нужна добровольность, но добровольность, не скомпрометированная никакими другими соображениями» [Новицкий, 1930, с. 141]). В.Ф. Новицкий после того, как в 1917 г. был помощником у военного министра Временного правительства А.И. Гучкова и получил погоны генерал-лейтенанта, работал в красноармейском Генштабе, вел активную преподавательскую работу, стал «профессором РККА» и заслуженным деятелем науки и техники, отметился и как военный историк двухтомником о начальном этапе Первой мировой войны во Франции и Бельгии [Новицкий, 1938, т. 1-2].

Ф.Ф. Новицкий был незаменимым соратником красного полководца М.В. Фрунзе и был непосредственно причастен к организации разгрома Колчака. Как указывал в 1934 г. А.А. Зайцов, профессор работавших во Франции Зарубежных Высших военно-научных курсов, «советская военная история превозносит сейчас стратегию Фрунзе и считает ее высоким образцом его апрельскую (1919 г.) операцию на Урале. Но дело это обстояло несколько иначе. При нем начальником штаба состоял в то время генерал Новицкий, [...] несомненно, что всё стратегическое руководство лежало именно на этом последнем» [Зайцов, 1934, с. 229]. Новицкий оставил и свои воспоминания об этих событиях [Новицкий, 1928]. Федор Федорович на службе в РККА стал комдивом, а к концу жизни, в 1943 г., примерил погоны генерал-лейтенанта авиации.

Интересно, что из трёх братьев-генералов, в детстве и юности полоцких кадетов, окончивших корпус соответственно в 1884, 1886 и 1887 гг., наибольшие способности демонстрировал старший Евгений – при выпуске из корпуса его имя было занесено на почётную мраморную доску, генерал-майором он стал в 42 года, тогда как братья соответственно в 45 и 44. Но в конце жизни большего успеха достигли двое Новицких, избравших службу в РККА – и карьера там оказалась удачнее, и место на Новодевичьем кладбище в Москве нашлось для обоих, тогда как генерал-лейтенант русской армии Е.Ф. Новицкий накануне смерти служил инструктором в стрелковой школе в Сараево, там же, на сербском кладбище, его и похоронили с почестями.

На фоне трёх православных генералов Новицких интересен пример полковника Антона Лаврентьевича Новицкого (1847 – 1924), с 1891 г. более 25 лет прослужившего начальником Топографического склада Военно-топографического отдела Омского военного округа. Уроженец села Денисковичи Слуцкого уезда Минской губ. происходил «из священнических детей», т.е. был сыном недавнего униатского священника. Окончив в столице империи Военно-топографическое

училище, подпоручик Новицкий в 1872 г. вступил в брак с дочерью помещика Шавельского уезда дворянкой Владиславой Романовной Хросцицкой – по всем признакам, католичкой. Детей своих супруги Новицкие нарекли Теодорой и Стефаном, дочь впоследствии вышла замуж за сослуживца отца, тоже военного топографа католического вероисповедания Тита Титовича Яновского, дослужившегося в 1917 г. до полковника. Несмотря на наличие в семье военных топографов вполне конкретной католической идентичности, после революции Новицкие и Яновские переселяться в независимую Польшу не стали, попытавшись вписаться в советскую действительность [Шишков, Борисёнок, 2018. Генерал С.Н. Войцеховский, с. 124-125].

Таким образом, и оставаясь на советской территории, и добровольно поступая на службу в Красную Армию, имевшие отношение к белорусским землям офицеры и генералы императорской армии сохраняли значительную часть своей «дореволюционной» идентичности и заложенных в них традиций, что позволяло многим и в новых непростых условиях ярко проявить себя.

Был шанс реализовать свои таланты и тем из офицеров, прежде всего католического вероисповедания, кто выбрал службу в армии II Речи Посполитой. Войско Польское остро нуждалось в профессиональных офицерских и генеральских кадрах, и предпочтения Ю. Пилсудского кадрам австро-венгерского происхождения, прежде всего прошедшим вместе с ним легионы в составе австро-венгерского войска, не могли удовлетворить даже минимальные потребности новой армии. Люди с опытом службы в русской императорской армии также были востребованы – показателем этого является тот факт, что два межвоенных польских военных министра, выпускник Полоцкого кадетского корпуса Иосиф Викентьевич Лесневский (1867 – 1931) и Люциан Густавович Желиговский (1865 – 1947) родились на современной территории Республики Беларусь и имели богатый опыт службы и участия в Первой мировой войне.

Их жизненный путь опровергает многие устойчивые заблуждения. В межвоенной Польше, причём при активном участии Желиговского сложился стереотип якобы печальной участи поляков в русской армии. Его самым активным образом поддерживали и развивали те из польских генералов, чья карьера была связана с Российской империей. Во II Речи Посполитой им проще было ругать «проклятый царизм» примерно в тех же выражениях, что и большевики. Вот какую агитку на этот счёт опубликовал Люциан Желиговский. В книге 1930 г. о советско-польской войне, названной почти так же, как спустя почти 40 лет мемуары маршала Г.К. Жукова, «Война в 1920 году. Воспоминания и размышления», бывший полковник русской императорской армии написал вот что: «Поляк в русской армии был лишён возможности получить высшее военное образование. Он не мог окончить высшее военное учебное заведение, не мог занимать целый ряд штабных

должностей. Он мог быть только и исключительно строевым офицером» [Żeligowski, 1930, s. 14].

Ограничения для католиков в русской армии действительно были, но не такие радикальные. История Иосифа Викентьевича Лесневского, занимавшего пост военного министра в очень трудный для Польши период, с 27 февраля 1919 до 22 августа 1920 г., опровергает другой распространённый миф, что католик не мог стать генералом русской армии. Семи лет от роду отец, отставной майор и владелец имения Поздноево (в польской традиции оно именуется и упорно локализуется под Витебском, правильные географические координаты присутствуют только в Польском биографическом словаре [Woszczyński, 1972]) Невельского уезда Витебской губернии (в 2016 г. о генерале вспомнили и на его малой родине [Стойкова, 2016]), отправил сына в Полоцкий кадетский корпус, где тот учился одновременно с Е.Ф. Новицким и также одновременно с ним поступил в 1884 г. во 2-е Константиновское военное училище в Петербурге, которое успешно окончил. Никаких фактов о дискриминации будущего польского министра, равно как и о наличии у него взглядов, отличных от воззрений Желиговского о вредности студенчества, не имеется. Толкового офицера католического вероисповедания исправно продвигали по службе, а в конце 1914 г. «за отличия в делах» Лесневский по праву примерил погоны генерал-майора. Единственное его серьёзное отличие от однокашника Новицкого состояло в том, что в его биографии не было учёбы в Николаевской академии Генштаба, что и обусловило более позднее (на четыре года в каждом случае) получение полковничьего и генеральского чинов. При этом коренной ломки идентичности от дворян-католиков на службе в императорской армии не требовалось.

Уже после окончания второй мировой войны совместить советский и польский варианты военной идентичности удалось родившемуся в Полоцке и окончившему в 1911 г. Полоцкий кадетский корпус Болеславу Францевичу Зарако-Зараковскому (1894 – 1963). Молодой офицер воевал на первой мировой с августа 1914 г. до апреля 1918 г., закончил службу в «старой армии» капитаном, в июне 1918 г. добровольно вступил в РККА, в 1936 г. стал полковником, избежал репрессий в рамках польской операции НКВД, прошел всю Великую Отечественную войну, на заключительном ее этапе, с сентября 1944 г. будучи прикомандирован к Войску Польскому. В армии народной Польши Зарако-Зараковский с апреля 1945 по февраль 1948 г. командовал войсками Лодзинского и Люблинского военных округов, исполнял должность начальника Академии Генштаба Войска Польского [Nalera, 1996, s. 196].

Следует отметить, что несмотря на различие военных и жизненных путей, определённое 1917 г. и Гражданской войной, биографии всех генералов и офицеров, происходивших из дворян, родившихся или выросших на белорусских землях, объединяет их принадлежность к русской императорской армии и одновременная

укорененность в фамильных традициях. Выбор военной службы становился для них важнейшим событием в жизни, не нарушавшим при этом коренных основ идентичности. Новицкие, Лесневский, Зарако-Зараковский и многие другие в момент рождения элитой общества никак не являлись, но сами себя благодаря многолетней честной службе затем сделали элитой в самых разных обстоятельствах места и времени. И любой выбор варианта измененной идентичности – эмигрантский, советский и польский – в эту линию поведения вписывается органично [Шишков, Борисёнок, 2018. От русского офицера, с. 143-147].

Делать выбор в пользу перемены идентичности офицерам из числа выпускников Полоцкого кадетского корпуса пришлось в подавляющем большинстве случаев в последний год первой мировой войны. 1918 г. для Полоцка и Полоцкого региона оказался не менее трудным, чем революционный 1917-й. Как и в году двух русских революций, полочане в 1918 г. пережили три смены власти: большевикам пришлось дважды устанавливать в Полоцке советские порядки, в ноябре 1917 г. и в ноябре 1918 г., по окончании боевых действий первой мировой войны. Впервые советская власть закрепилась в Полоцке после того, как вслед за переходом в середине ноября 1917 г. Военно-революционного комитета 3-й армии к большевикам они 27 ноября путем перевыборов взяли под контроль и полоцкий Совет рабочих и крестьянских депутатов. Прежние власти в лице эсеров и меньшевиков серьезного сопротивления при этом не оказали. В конце декабря 1917 г. полоцкий Совет объединился с Советом солдатских депутатов 3-й армии, объединенный Полоцкий Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, руководимый большевиком И.Л. Коганом, сразу поставил себе целью кардинально сломать старорежимную идентичность горожан. Его декрет № 1 объявил с 1 января 1918 г. все квартиры в Полоцке общенародным достоянием, квартплату с жильцов стали взимать «на нужды трудового народа», но сами квартиры пока не конфисковывали. Практически сразу же начались репрессии в отношении «врагов революции», в Полоцке начала работу уездная ЧК и объединенный ревтрибунал. Под предлогом «обуздания анархии и бандитизма» только в первой половине декабря 1918 г. Полоцкая уездная ЧК арестовала 54 человека, из них 13 было расстреляно: 10 красноармейцев 145-го стрелкового полка – за вооруженный грабеж и 3 красноармейца 5-го Саратовского бронепоезда – за подрыв бомбы около здания самой Полоцкой уездной ЧК. В рамках борьбы со спекуляцией полоцкие чекисты практиковали также изъятие продуктов и табачных изделий [Огородников, 2018, с. 32-33].

Советская власть в первый раз удержалась в Полоцке всего на три месяца – в кульминационный момент мирных переговоров в Бресте немцы начали стремительно наступать и среди прочих белорусских городов 25 февраля 1918 г. заняли Полоцк, советские органы власти эвакуировались на станцию Дретунь 24 февраля, успели вывезти также наиболее ценное военное имущество. С тех пор и

вплоть до ноября 1918 г., когда германские войска покинули Полоцк, регион был разделен между большевиками и немцами, коммуникация осуществлялась через станцию Полота, где работал также представитель Белнацкома.

Немецкая оккупация оказалась для многих жителей Полоцка и региона тяжелым испытанием. Германские войска размещались в городе основательно, а в Софийском соборе был устроен гарнизонный костел. Было объявлено, что оккупанты появились на полоцкой земле «с дружественными целями», были формально восстановлены полоцкая городская управа и волостные управы в уезде, уже упоминавшийся меньшевик Г.И. Левин стал исполнять обязанности городского головы. Но на деле пребывание немцев обернулось масштабным вывозом продовольственных ресурсов Полотчины, что спровоцировало стремительный рост цен на хлеб и другие продукты питания. Вдобавок оккупанты наложили на Полоцк контрибуцию в размере 100 тыс. марок, а для гарантии выплаты этой суммы взяли 10 известных в городе заложников, в числе которых был и городской голова Левин [Огородников, 2018, с. 33-35]. Для Полоцка первая мировая война в итоге продлилась на 10 дней дольше, чем для Западной Европы, где окончание военных действий последовало, как известно, 11 ноября 1918 г. Части Красной Армии вошли в город лишь утром 21 ноября 1918 г.

Таким образом, за четыре с лишним года первой мировой войны идентичность жителей Полоцка и региона подвергалась самым разнообразным воздействиям: одних смен власти было зафиксировано за это время четыре (императорская, Временное правительство, советская и германская оккупационная). Как мирным жителям, так и представителям военных кругов, среди которых заметное место занимали выпускники Полоцкого кадетского корпуса, приходилось постоянно приспосабливаться к быстро меняющимся реалиям и в этих неблагоприятных условиях делать выбор в пользу новых для той эпохи вариантов идентичности, среди которых приоритетное место занимали советский и польский.

5. ПОЛОЦК В УСЛОВИЯХ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ В 1941 – 1944 ГГ.

5.1. Организационная структура органов управления и самоуправления г. Полоцка в 1941 – 1944 гг.

Планы нацистского руководства Германии в отношении Советского Союза были понятны ещё до начала военных действий – это политика грабежа и насилия, направленная на эксплуатацию как природных, так и человеческих ресурсов союзных республик. После оккупации в 1941 г. прибалтийского региона, территории Беларуси и Украины касался территориально-административного вопроса для Гитлера и его подчинённых было всё ясно на уровне рейхскомиссариатов (*Reichskommissariat*) и генеральных округов (*Generalbezirk*). Но, по факту ведения военных действий и осознания того, что «блицкриг» не реализован, планы стали корректироваться. По мере усиления партизанского и подпольного движения на протяжении 1941 – 1942 гг. изменялись и представления на местах об административно-территориальном делении и их управлении.

Восточная часть Беларуси находилась в зоне тыла группы армий «Центр» с подчинением военному командованию. В дальнейшем планировалось с продвижением фронта на восток и окончательным захватом территории Советского Союза также установить административные органы власти, уже действующие в ранее созданных рейхскомиссариатах и генеральных округах. Но, амбициозным планам Гитлера не дано было реализоваться. Зимой 1941 г. – начала 1942 г. стало понятным, что военное руководство прифронтовой зоны останется ещё на неопределённый срок. В связи с этим все представления об органах самоуправления и в целом управления оккупированной территорией Беларуси с передачей власти гражданской администрации были подкорректированы немцами. Кроме того, нацистскому руководству нужно было учитывать условия ведения партизанской войны, а также национальный состав и нахождения данной территории, в нашем случае Полоцкий регион, в составе БССР на протяжении двух десятилетий.

В зоне тыла группы армий «Центр», непосредственно примыкавшей к театру военных действий, вся полнота власти была сосредоточена в руках военного командования. Возглавлял администрацию командующий тыла группы армий «Центр» генерал М. фон Шенкендорф (*Maximilian von Schenkendorf*). Следовательно, для управления оккупированными территориями до принятия решения по их административному подчинению вермахтом оперативно создавались военные органы управления – полевые (*Feldskommandanturen*) и местные (*Ortskommandanturen*) комендатуры с военно-административными функциями. Не исключением в этом плане являлся г. Полоцк, где в разное время дислоцировались 749-я (1941 – 1942 гг.) и 815-я (июль 1942 г. – январь 1943 г.) полевая, 1/335 (1942 – 1943 гг.) и 930-я (1944 г.) местная комендатуры. При них также действовала

немецкая полевая полиция (полевая жандармерия). Полоцкой полевой комендатуре подчинялись местные комендатуры Дриссы (теперь г. Верхнедвинск), Освеи, Россон, Шумилина и Ветрина [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 20. Л. 11]. Главное предназначение немецких военных комендатур было вместе с местной национальной полицией обеспечение порядка и безопасности на занятой территории. Кроме того, на момент 1 сентября 1941 г. в городе размещалась 403-я охранный дивизия с целью поддержания порядка [Новікаў, 2015, с. 352].

Полевая и местная комендатуры в центрах, которым придавалось важное стратегическое значение, в частности г. Полоцк, имели приблизительно одну и ту же структуру, состоявшую из нескольких отделов: канцелярии, хозяйственной группы, квартирного отдела, медицинского надзора и полевой жандармерии – общим количеством сотрудников 45 – 50 человек при 3 – 4 офицерах [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26. Л. 17].

В свою очередь комендатурам подчинялись органы вспомогательной местной администрации – земские, районные, городские, волостные управления и общины (деревни).

Наиболее крупными среди органов местной вспомогательной администрации были окружные (областные) управы. Первые из их числа появились в Генеральном округе «Беларусь» (*Generalbezirk Weißruthenien*). В конце 1942 г. в зоне тыла группы армий «Центр» в целях установления планомерности и однородности управления Русскими гражданскими делами и взаимоотношений между Русскими гражданскими властями и Германским командованием» стали создаваться окружные управы, объединявшие под своим руководством несколько районов. Согласно мнению А. Беляева, первые попытки создания окружных управ относятся к концу лета 1941 г., примером чему является Витебская окружная управа. Он делает предположение, что окружные управы функционировали в тех местностях, где располагались немецкие полевые комендатуры [Беляев, 2010, с. 116 – 117].

Скорее всего, не исключением в этом плане был г. Полоцк, где с осени 1941 г. существовала так называемая уездная управа, возглавлял которую вплоть до января 1943 г. (не смотря на то, что как административно-территориальная единица была ликвидирована осенью 1942 г.), согласно архивным документам, Шефер [3] (немец по национальности; при советской власти работал агрономом в Ушачском районе) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 45. Л. 123]. Функции данных управлений в основном сводились к наблюдению за районными властями, координации их работы и проверке исполнения указаний собственно германских оккупационных учреждений, а также выкачка продовольствия и скота из подчинённых районов.

Границы окружных (областных) управ не соотносились с довоенными административно-территориальными единицами, а создавались исходя из военных и хозяйственных нужд оккупационной администрации. Можно предположить, что Полоцкая уездная управа и была тем самым окружным (областным) управлением,

под юрисдикцию которого попадали населённые пункты довоенного Полоцкого района, а также Освейский и Дриссенский (на данный момент Верхнедвинский район) районы, Россонский, Ветринский (теперь Полоцкий район), Ушачский, Сиротинский (теперь часть Шумилинского и Городокского районов) районы, о чём свидетельствуют архивные документы за 1942 г. [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1308].

5 сентября 1942 г. Полоцкая уездная управа была ликвидирована, её функции перешли исключительно районной управе [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1308], власть которой распространялась лишь на довоенную территорию Полоцкого района. Причину принятия данного решения, на наш взгляд, нужно искать в активности партизанских соединений и образования на ранее подконтрольных территориях уездной управе партизанских зон – Полоцко-Лепельской и Россонско-Освейской.

Полоцкая районная управа в свою очередь в административно-территориальном плане делилась на волостные (сельские) управы: Экиманская, Махировская, Булавская, Громовская, Юровичская, Сестренская, Домниковская, Сосницкая, Боярская, Алесовская, Малоситнянская, Васильевская, Бельская, Кушликовская, Шатиловская, Солоникская, Замшанская, возможно существовали Арлейская и Верхоченская волостные (сельские) управы. Однозначно сказать о конкретной численности волостных (сельских) управ, находившихся в юрисдикции Полоцкой районной управы, на данный момент не приходится – по причине отсутствия непосредственных документов самих управ. Исключением в этом плане является Экиманская управа. По архивным документам, сохранившимся до нашего времени, нам известно количество деревень (общин), на которые распространялась деятельность Экиманской администрации, на протяжении всего периода нацистской оккупации фактически не изменявшееся: Бельчица – 1, Бельчица – 2, Бельчица – 3, Бельчица – 4, Коровники, Козьянки, Ксты, Кулаково (присоединена в сентябре 1943 г.), Подкостельцы, Черноручье – 1, Фольварок (присоединена в сентябре 1943 г.), местечко и деревня Экимань, Плаксы, Рыбаки (в списках 1943 г. отсутствуют) – с населением на момент 1 января 1942 г. приблизительно в 2 912 чел. [Корсак, 2014, с. 118].

С 1942 г. по 1944 г. Полоцкую районную управу возглавлял гражданин Б. (бывший юрист, был осуждён советской властью и отбывал наказание, в последнее перед войной время работал бухгалтером [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 45. Л. 122]). В его подчинении находились инспектор школ (за весь период оккупации менялся лишь единожды), начальник паспортного стола, начальник финансового отдела, заведующий отделом снабжения [ГАВО. Ф. 2823. Оп. 1. Д. 1.]. Вероятно, существовали и другие отделы.

С нарастанием активности партизанских соединений в конце 1942 г. – начале 1943 г., дислоцировавшихся вокруг г. Полоцка, многие бургомистры волостных (сельских) управ находились при районной управе, соответственно проживали в городе вместе со своими семьями. В течение нескольких месяцев они не выезжали,

боясь быть убитыми партизанами, на рабочие места. В связи с этим говорить об эффективности административного управления в рамках района в 1943 – 1944 гг. не приходится. Исключение составляли бургомистры Шатиловской, Махировской, Кушликовской, Экиманской управ – они находились на рабочем месте, но в деревни, подконтрольные им, для решения рабочих вопросов не выезжали; бургомистры Громовской, Солоникской и Сосницкой управ «иногда» вместе с отрядами немцев на 1 – 2 часа подъезжали в деревню и то с периодичностью раз в месяц [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1308. Л.156].

Начальником районной полиции являлся некто гражданин М. – от простого полицейского дослужился до офицерского чина и гитлеровских орденов, до июня 1941 г. отбывал наказание в советских лагерях [Дейнис, л. 230].

Полоцкая городская управа была организована практически сразу после оккупации в июле 1941 г. территории Полоцкого района и г. Полоцка. Возглавлял её гражданин К. (до 22 июня 1941 г. являлся сотрудником почты). Так как имел склонности к алкоголю, то в декабре 1941 г. его сменяет гражданин П. [ГАВО. Ф. 2823. Оп.1. Д. 1.] - в прошлом директор Пищетогра г. Полоцка, имевший уважение и авторитет среди горожан, согласно воспоминаниям которых, он оказывал помощь партизанам, снабжал их солью и другими продуктами, доставал документы на выезд из города, никого не выдал из числа бывших работников советских учреждений [Дейнис, л. 230]. В 1942 г. большинство сотрудников управы во главе с П. были арестованы по подозрению в сотрудничестве с партизанами и подпольщиками. Погиб в тюрьме (перерезал стеклом вены). В 1944 г. городским бургомистром был некто гражданин М. [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 45. Л. 122]. В дальнейшем городская управа была укомплектована лицами, ранее работавшими в управах Россон и Освеи, которые успели сбежать после того, как данные районные центры были заняты партизанскими соединениями [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26. Л. 90.]. Смена руководства местных органов самоуправления производилась периодически (1942 г., 1943 г.) и без участия местных органов полиции, исключительно сотрудниками гестапо. Поводом практически во всех случаях являлось подозрение в сотрудничестве с подпольным движением и партизанскими соединениями.

Структура городской управы на протяжении 1941 – 1944 гг. не видоизменялась и состояла из 8 – 11 отделов (в архивных источниках по-разному указано количество отделов, а также их названия – авт.): финансово-налоговый, управления делами, отдел городского хозяйства, строительный, здравоохранения, церковный, регистрация паспортов (позже в подчинении городской полиции), промышленный, продовольственный, культурно-просветительский, отдел народного образования [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 45; НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26].

Наиболее колоритной фигурой среди работников всех городских учреждений является начальник культурно-просветительского отдела гражданин П. – фигура одиозная и неоднозначная – «пользуется большим доверием у немецких властей,

антисоветский характер его настроений резко выражен. П. приехал в г. Полоцк в январе 1942 г. Из его рассказов следует, что он житель г. Москвы, в Москве получил высшее образование, женат на дочери известного русского химика Реформатского (приехал в Полоцк вместе с женой и её матерью). По его словам, он писатель, которого в Москве знают, но многие из произведений его не печатались большевиками. Во время, когда немцы осаждали Москву, перебежал к ним с семьёй, т.к. был врагом большевизма и до войны. В г. Полоцке он единственный лектор (русский). Им читались лекции о национал-социалистическом движении в Германии, об успехах немцев на фронтах, о жизни немецких рабочих и крестьян и т.д. В 1943 г. он был на экскурсии в Берлине, после чего разрядился рядом докладов об увиденном в Германии. Он же неоднократно выступал в лагерях для военнопленных, агитирую военнопленных за вступление в РОА (Русская освободительная армия – авт.), П. – автор и источник распространения заведомо ложных слухов о «поражениях» Красной Армии и «успехах» немцев, он же руководитель Полоцких мракобесов – попов и сектантов» [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 45. Л. 122 – 122 об].

В г. Полоцке также имелась городская полиция, в составе которой около 50 человек полицейских, подобранных в добровольном порядке из числа городского населения. При полиции имеется паспортный и криминальный отделы (состав 9 человек на момент конца 1942 г. – начала 1943 г.) [НАРБ. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 254. Л. 26 об]. Начальник полиции гражданин О. (около 22 лет, учился в 59 ж/д школе гор. Полоцка, органами советской власти был арестован за распространение письма с контрреволюционным содержанием, в течении 3 лет отбывал наказание, по отбытии которого перед самой войной вернулся в Полоцк. Пользуется авторитетом у немецких властей, возглавляет полицию свыше 1 ½ лет) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 45. Л. 123]. В конце мая 1943 г. вернулся из Германии после почти годичной учёбы и в дальнейшем работал следователем в гестапо [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 917. Л. 170 об.]. Полиция, хотя номинально и состоит при управе, но подчиняется фельдшандармерии ортскомендатуры, выполняет все её указания, вплоть до расстрелов [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26. Л. 18].

Организация самоуправления из числа «русских» проводилась ортскомендантами, которые подбирали соответствующих людей, как по специальным признакам, так и по указанию преданных, по их мнению, им людей. Подбор специалистов уже осуществлялся путём приглашения по заранее составленным спискам. Отказ от занятия предлагаемой должности влек за собой репрессии, если не немедленные, то в дальнейшем [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26. Л. 18].

Не смотря на созданные вспомогательные исполнительные органы власти, многие сферы жизнедеятельности входили в компетенцию различных структур. Например, местная промышленность, находившаяся в системе горуправы,

подлежала подчинённости одновременно и ортскомендатуре, и хозяйственному управлению ВИКО, и торговому обществу «Восток». Школьный и церковный отделы горуправы и отдельное от последней дорожно-строительное управление, работавшее не в масштабе района, а в масштабе округа, были в одновременном непосредственном подчинении и ортскомендатуры, и фельдкомендатуры, и даже штаба армии. Городские больницы были одновременно в подчинении и начальника горуправы, и ортскоменданта, и старшего врача гарнизона, и начальника немецкого военного госпиталя и фельдкоменданта [Ильинский, 2011, с. 55].

Таким образом, на протяжении всего оккупационного периода с 1941 по 1944 гг. г. Полоцк выступал в качестве административного центра различных административно-территориальных единиц с соответствующими органами самоуправления – уездной, районной и городской управ. В принципе, они не представляли собой полноценность в плане управления, носили формальный характер и фактически нужны были оккупационным властям для связи с целью передачи и разъяснения той или иной информации на местном уровне, в частности с волостными (сельскими) управами. Контролирующей функции они не имели. Однозначно можно сказать, что на процесс создания органов самоуправления, который был не одинаков в различных районах зоны тыла группы армий «Центр», влиял ряд обстоятельств – положение на фронтах, активность партизанского движения и подполья, в связи с этим создание партизанских зон (в нашем случае), желание или не желание занимать административные должности местного населения, а также их мотивация. Люди, назначенные на данные должности, по разным причинам оказались у власти – как правило, большинство те, которые отбывали срок при советской власти. С началом организации подполья и партизанского движения многих рекомендовали на различные должности с целью оказания помощи их участникам различной помощи: от снабжения медикаментами и продуктами питания до сбора оперативной информации и оформления документов.

5.2. Социально-экономическое положение г. Полоцка в условиях немецкой оккупации (1941 – 1944 гг.)

Период немецкой оккупации для г. Полоцка и его горожан начался с 15 – 16 июля 1941 г. и продолжался ровно три года – по 4 июля 1944 г. до момента освобождения его территории в результате Полоцкой наступательной операции. Время нахождения в городе нацистских оккупационных властей характеризуется беспощадностью к военнопленным дулага-125, жестокостью по отношению к местному населению и эксплуатацией ресурсов города на нужды вермахта.

Промышленность. До Великой Отечественной войны г. Полоцк насчитывал 90 промышленных предприятий и мастерских (общим количеством 1 816 человек),

крупнейшими из них являлись хлебный комбинат, механические сельскохозяйственные мастерские, плодово-винный завод, промышленный комбинат с 10 цехами и мастерскими, артель «Красный инвалид» и др. [ЗГА в г. Полоцке. Ф. 687. Оп. 1. Д. 1. Л. 9].

Несмотря на то, что город потерпел от пожаров и разрушений, вызванных бомбёжками немецкой авиации, тем не менее, имелся ряд предприятий, которые оккупационные власти впоследствии использовали для обеспечения в первую очередь всем необходимым себя и военные части, постоянно проходившие через г. Полоцк на восток.

Так в г. Полоцке практически на протяжении всего периода нацистской оккупации производили продукцию следующие предприятия:

- 1) два *хлебозавода* (один выпекал хлеб для гарнизона и проходящих частей – производительностью до 20 тонн в сутки, работали немцы и украинцы; второй – для населения производительностью 5 тонн) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 17. Л. 66];
- 2) *мясокомбинат*, территория которого была обнесена колючей проволокой, имел бойню, разделочные и перерабатывающие цеха. Штат сотрудников состоял из 9 немцев и 19 украинцев-добровольцев (находились круглосуточно), во главе немец – инспектор Томас. Суточный наряд охраны – 9 человек (1 немец и 8 полицейских). С марта до середины сентября 1943 г. не работал из-за отсутствия скота, занимался лишь распределением готовой мясопродукции, получаемой с маркой «Мюнхен» в количестве 8 – 10 тонн ежемесячно, среди гарнизонов Полоцка и Боровух-1, 2, 3. [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 917. Л. 194 об.];
- 3) *гончарный завод* изготавливал горшки, тарелки, рюмки как для нужд армии, так и для продажи местному населению через немецкое торговое общество «Восток» [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26. Л. 18 об.];
- 4) *портняжная и сапожная мастерские* – количество работников доходило до 900 человек;
- 5) *водяная мельница* – единственная в городе работающая круглосуточно, и только для немцев;
- 6) *лесопильный завод* мощностью до 250 кубометров пиломатериалов в сутки;
- 7) *маслозавод и льнозавод* – продукция выпускалась исключительно для нужд вермахта;
- 8) *плодвинзавод* вырабатывал спиртные напитки, вино до 10-ти градусов и безалкогольные сиропы при наличии сахара в объёме, приблизительно, 500 литров в день;
- 9) *баня* (из двух работала только одна), нижний этаж которой был оборудован под механическую мастерскую, производящую чурки для газогенераторных машин. Услуги для местного населения оказывались лишь 2 – 3 в неделю [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 17. Л. 67] и др.

10) при железнодорожной службе существовали *оранжерея и парниковое хозяйство*, снабжавшие немцев ранними овощами [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 17. Л. 72].

Продолжительность дня на производстве от 10 до 14 часов, в учреждениях – 7,5 часов. Состав рабочих и служащих в основном местные жители и военнопленные. В г. Полоцке количество рабочих из числа местного населения не значительное – многие в начале войны смогли эвакуироваться, некоторые переехали на место жительства в деревню. Продуктивность и работоспособность низкая, многие работали для того, чтобы иметь на руках официальный документ. Зарплата выплачивалась ежедневно, но была настолько символична – от 15 до 30 рублей (рабочий) и от 100 до 250 рублей (служащий) при стоимости, например, сливочного масла за фунт 350 – 400 рублей. Наём рабочей силы осуществлялся через объявления. Как правило, добровольно никто не шёл на работы, в таком случае оккупационные власти вызывали по спискам повестками через полицию. Процент выработки продукции как от добровольно нанимаемых, так от привлечённых насильно, одинаково незначителен. Например, восстановление одной деревянной фермы (метров 50 – 60), вместо разрушенной авиабомбой железной, при наличии 100 – 120 рабочих и группы немецких специалистов, длилось около 9 месяцев и стоило 150 тысяч рублей. Кстати, мост этот тут же был разрушен ледоходом. Строительство велось под руководством группы немецких инженеров-специалистов [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26. Л. 18 об.].

Таким образом, исходя из выше приведённых фактов, оккупационные власти не были заинтересованы в восстановлении промышленного комплекса г. Полоцка. Целью являлась максимальная эксплуатация имеющего оборудования при минимальных затратах. Те предприятия, которые были завязаны на обеспечении пищевой продукцией военных частей, тщательно охранялись и контролировались непосредственно немцами.

Коммунальное хозяйство. В ходе интенсивной бомбардировки города немецкой авиации в июле 1941 г. большая часть города была разрушена и сожжена. Тем не менее, «...в Полоцке имелось 5 насосных станций, введённых в 1927 г.» [НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 949. Л. 36], «в Полоцке (16 000 жителей) электроснабжение города обеспечивается железнодорожной электростанцией на ст. Полоцк-восточный. Электростанция работает на дизельных моторах и производит сегодня 260 кВт электроэнергии, но благодаря подключению ещё одного дизельного мотора её мощность будет доведена до 260 кВт. В связи с недостатком горючего электроэнергия подаётся только часами и пользуется только небольшие военные предприятия, в то время как население лишено электроосвещения. Построенная незадолго до начала войны новая электростанция (мощностью 600 кВт) в настоящее время стоит опустошённой, т.к. оборудование и моторов достать нельзя» [НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 949. Л. 40], «в Полоцке имеется 5 водонасосных станций, из которых

три работают на электроэнергию, но в связи с недостатком таковой работает только 1 ст. Водопроводная сеть большей частью разрушена» [НАРБ. Ф. 1440. Оп. 3. Д. 949. Л. 48].

Имелся также *военный узел телефонной связи*: на узле два коммутатора местной батареи – один коммутатор на 50 номеров, другой – на 30. Коммутаторы старые русские, отремонтированные. Питание станции осуществляется аккумуляторной батареей, которая заряжается тут же установленным агрегатом. Вся связь в черте города осуществляется при помощи старого советского подземного кабеля. Узел обслуживает связью весь полоцкий гарнизон и имеет связь с Витебском (два провода, идущие вдоль ж/дороги), с Невелем (одним проводом вдоль ж/д), с Двинском (два провода вдоль ж/д), с Крулевщицкой и Берлином через Двинск. Связь с фронтом через Невель и Витебск. Бомбардировкою 1-го июня подземный кабель повреждён. Связь внутри города в настоящее время осуществляется с помощью подвесного кабеля [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 17. Л. 68 об.].

Однако, не смотря на плохое состояние коммунального хозяйства, оккупационные власти вынуждали местное население платить квартплату, которая взималась по советской довоенной ставке. Для того, чтобы стимулировать выход горожан на работу, безработные платили по самому высокому тарифу. От оплаты коммунальных услуг освобождались только лишь инвалиды, имеющие советские документы по инвалидности, т.к. врачебным комиссиям не доверяли.

Торговля и снабжение населения. В г. Полоцке торговлей и процессом обеспечения населения продуктами питания, о других товарах народного потребления говорить и вовсе не приходится в условиях военного времени, занимался отдел снабжения Полоцкого городской управы.

Имеющиеся магазины функционировали в качестве пунктов выдачи хлеба по карточкам из расчёта 1 кг на неделю, в 1941 г. и в начале 1942 г. отпускались картошка и молоко для грудных детей. Не смотря на эти квоты, недельные нормы не выдерживались – хлеб выдавался не регулярно и плохого качества. На бумаге отдела снабжения вырисовывалась другая картина – 75 грамм крупы, 75 – 100 грамм соли, около 100 грамм жиров, 250 грамм картофеля (недельная норма) [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26. Л. 18 об.].

В середине сентября 1942 г. комендантом г. Полоцка было созвано совещание, на котором огласили присланную из Германии инструкцию о порядке снабжения городского населения. Содержание данной инструкции вкратце следующее: «местное военное командование выделяет продукты для снабжения города. Распределение их поручается отделам снабжения городских управ. Продовольственные карточки выдаются только тем лицам, которые зарегистрированы биржей труда. Всё население города подразделяется на пять групп в зависимости от трудности работы. Первая группа (дети до 15 лет), вторая –

не работающие женщины и мужчины-инвалиды, третья – занятые на лёгкой работе и служащие, четвёртая – занятые на тяжёлой работе и пятая – лица, занятые на более тяжёлой работе. Для каждой из этих групп устанавливалась норма снабжения. Например, для 1-й – 553 гр. ржи в неделю, 38 гр. крупы, 1 250 гр. картофеля в неделю. Для 2 и 3 групп новых наименований продуктов не прибавляется, а лишь незначительно увеличивается количество названных продуктов. Для 4 группы – ржи 1 400 гр, крупы – 200 гр, картофеля 3,5 кг, мяса 75 гр, жиров – 60 гр, снятого молока поллитра в неделю. Для пятой группы незначительное увеличение количества ржи и мяса» [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26. Л. 123].

Отделом снабжения была проведена вся подготовительная работа для перехода снабжения на новые условия. Но комендантом г. Полоцка было принято совершенно иное распоряжение, согласно которому устанавливалось 3 группы и соответствующие нормы продуктов: 1 группа (дети до 14 лет включительно) – 500 гр хлеба в неделю и 100 гр крупы, 2 группа (все женщины как работающие, так и не работающие) – 1 000 гр. хлеба и 200 гр. крупы, 3 группа (работающие мужчины) – 1 500 гр хлеба и 200 гр крупы в неделю. Согласно этому распоряжению были выданы хлебные карточки и продовольственные и за срок 12 – 18 октября 1942 г. произведена выдача хлеба [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1308. Л. 124].

Следует отметить, что данная «акция» была краткосрочной, если не сказать единичной в своём роде. В дальнейшем снабжение населения продуктами питания осуществлялась с огромными перебоями и незначительными объёмами.

В большинстве своём в торговле действовали законы натурального обмена. Так как магазины не выполняли полноценно своих функций, то основной процесс товарообмена шёл на рынке (стоимость места для торговли 2 рубля). К концу 1942 г. рынок как таковой практически не функционировал, что было связано с активностью подпольного и партизанского движения, соответственно пропускная система в город не давала возможности приносить продукты на продажу сельскими жителями. Во многих случаях полицейские конфисковывали для своих личных нужд товар, в некоторых случаях можно было осуществить обмен с немецкими солдатами на сигареты, табак, мыло для бритья и прочую мелочь.

Тем не менее, места торговли, помимо магазинов как пунктов выдачи продуктов питания по карточкам, были представлены несколькими точками Центрального торгового общества «Восток» (*Zentralhandelsgesellschaft «Ost»*), а также частными магазинами, на деятельность которых выдавался в городской управе патент.

Ларьки Центрального торгового общества «Восток» занимались в основном сбором железного лома, выплаты за который осуществлялись продуктами питания (куры, яйца, масло, ягоды, грибы) либо спиртом, спичками, махоркой и солью [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26. Л. 18 об.].

Частная торговля была представлена несколькими ларьками, осуществлявшими продажу готовой продукции – бутерброды, котлеты, яйца. По ул. Пушкина работал *продуктовый магазин* (заведующий К.И. Кухаренко) для обслуживания служащих управы и железнодорожников [Памяць, с. 433]. Имелся *частный трактирчик* (хозяева из числа русских немцев), где продавали горячую пищу и даже самогон.

Цены на продукты при низкой заработной плате были неприемлемыми для местного населения, они больше ориентировались на платёжеспособных солдат немецких гарнизонов и сотрудников немецких учреждений. Многие из которых приобретённый товар, особенно после 1942 г., отправляли через почтовую службу своим родным в Германию.

Нацистские оккупационные власти пытались установить контроль за ростом цен – была установлена определённая такса, например, 6 руб. за десяток яиц (при рыночной цене 100 руб. за десяток), 1 руб. за 1 литр молока и т.д. Данная политика в области ценообразования привела к тому, что сельские жители начали сбывать свой товар встречающимся по дороге покупателям [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26. Л. 21].

Кроме того, в г. Полоцке функционировали 2 столовых, готовивших до 2 тысяч первых блюд (зимой давалось по 100 грамм хлеба к обеду, летом 1942 г. с перебоями 50 грамм) при общем количестве городского населения около 15 тысяч человек. Снова же выдача обедов производилась исключительно по карточкам [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1308. Л. 124].

Таким образом, торговля допускалась как посредством пунктов выдачи продуктов питания по карточной системе, находящихся в ведении отдела снабжения Полоцкой городской управы, так и контролируемые полоцким филиалом Центрального торгового общества «Восток» пунктами обмена, а также частными магазинчиками. Процесс снабжения необходимыми продуктами горожан не был на первом месте у оккупационных властей, попытка регулирования процесса ценообразования была также направлена на обеспечение в первую очередь находившихся в г. Полоцке регулярных и охранных военных частей.

За весь период оккупации 1941 – 1944 гг. г. Полоцка не выявлено ни одного документа, регулирующего выдачу обуви, одежды или других продуктов обихода.

Налогообложение. Все жители г. Полоцка в возрасте от 15 до 60 лет облагались подушным налогом в размере 100 рублей в год, за землю взимается земельная рента, за постройки страховой сбор в размере 10 % оценки (старая советская оценка). Кроме этого взимается налог для оплаты старост улиц (введены назначаемые Полоцкой городской управой старосты улиц). Налогом облагались также владельцы собак (15 руб.), кошек (10 руб.) и рогатого скота. Владелец коровы обязан сдавать литр молока ежедневно. Кустари облагались налогом в размере 25 % от их доходов. По сравнению с 1943 г. налоги значительно увеличены. Из зарплаты

работающих ежемесячно удерживались 10 % в качестве подоходного налога [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 2. Д. 45. Л. 124].

Здравоохранение. В городе имелось несколько медицинских учреждений – два госпиталя, больница для русских рабочих (располагалась в одном здании с конторой депо и железнодорожной мастерской для немецких железнодорожников).

В зданиях Полоцкой Народной больницы им. В.И. Ленина (в народе именуемой Красной больницей – здание построено из красного кирпича) первоначально размещён лазарет для раненых советских военнопленных [Корсак, 2015, с. 67 – 71.]. Здесь же немногим позже было организовано родильное отделение (возглавляла Н. Крупина) [ЗГА. Ф. 1164. Оп. 11. Д. 41. Л. 100]. В 1943 г. на излечении находились раненые казаки и полицейские.

В зданиях бывшего Иезуитского коллегиума (в советское время – военный госпиталь) размещался также госпиталь для немецких военнослужащих, вокруг которого были построены укрепления [НАРБ. Ф. 1450. Оп. 1. Д. 17. Л. 60].

В зданиях бывшего Лесного техникума размещался госпиталь для военных из числа армии Власова [НПИКМЗ. КП – S2774. Л. 230].

В данных медицинских учреждениях работали в основном немецкие врачи, привлекавшие и местный персонал.

Больницы для местного населения плохо отапливались, снабжение продовольствием было более или менее удовлетворительным. Дело с медикаментами обстояло хуже – практически отсутствовали. Даже дифтеритной вакцины, имевшейся в очень большом количестве у соседнего немецкого военного госпиталя, для местных больных не отпускались. Ни бактериологической лаборатории, ни рентгеновского кабинета при «русских» больницах в это время тоже не существовало. Этого рода работы иногда всё же выполнял немецкий госпиталь. Инфекционные отделения всегда были переполнены. Зуболечебного кабинета не было, из-за отсутствия медикаментов зубы только рвали [ЗГА. Ф. 1164. Оп. 11. Д. 41. Л. 100].

Таким образом, социально-экономическое положение г. Полоцка и горожан в условиях нацистской оккупации связано и было однозначно подчинено потребностям регулярных частей немецкой армии, частей охранных дивизий, а также контролирующих и регулирующих ситуацию органов управления.

5.3. Идентичность населения Полоцкого региона в годы немецко-фашистской оккупации

Территория Беларуси в современных её границах на протяжении только XX века входила в состав различных и государственных и административно-территориальных единиц – Российская империя, Белорусская Народная Республика (БНР), Советская Социалистическая Республика Белоруссия (ССРБ), ССР ЛитБел,

Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР), II Речь Посполитая. В годы немецкой оккупации 1941 – 1944 г. в принципе территориально белорусские земли были разделены не только на различные административно-территориальные единицы с гражданскими органами власти, но и большая часть находилась в прифронтовой полосе с военным управлением.

Ещё до начала военных действий против СССР нацистами был разработан план административно-территориального деления оккупированных в будущем земель, реализация которого с некоторыми изменениями осуществилась осенью 1941 г. Так, данная территория с учётом национальности населения и в приблизительном соотношении с границами действия групп немецких армий делилась сначала на рейхскомиссариаты «Украина» (*Reichskommissariat Ukraine*) и «Остланд» (*Reichskommissariat Ostland*), которые в свою очередь делились на генеральные округа. В данном случае нас интересует рейхскомиссариат «Остланд» с административно-территориальными единицами – генеральные округа «Беларусь» (*Generalbezirk Weißruthenien*), «Латвия» (*Generalbezirk Lettland*), «Литва» (*Generalbezirk Litauen*), «Эстония» (*Generalbezirk Estland*).

Восточная часть Беларуси находилась в зоне тыла группы армий «Центр» (*Hintere Gebiet der Heeresgruppe «Mitte»*) с подчинением военному командованию. В дальнейшем планировалось с продвижением фронта на восток и окончательным захватом территории Советского Союза также установить административные органы власти, уже действующие в ранее созданных рейхскомиссариатах и генеральных округах. Но, амбициозным планам Гитлера не дано было реализоваться. Зимой 1941 г. – начала 1942 г. стало понятным, что военное руководство прифронтовой зоны останется ещё на неопределённый срок. В связи с этим все представления об органах самоуправления и в целом управления оккупированной территорией Беларуси с передачей власти гражданской администрации были подкорректированы немцами. Кроме того, нацистскому руководству нужно было учитывать условия ведения партизанской войны, а также национальный состав и нахождения данной территории в составе БССР на протяжении двух десятилетий.

В нашем случае территория Полоцкой области частично, а именно Освейский, Браславский, Видзовский, Глубокский, Дисненский, Докшицкий, Дриссенский, Дуниловичский, Миорский, Плиссский, Шарковщинский районы, подпадала под юрисдикцию гражданских оккупационных властей и входила в состав Глубокского округа с центром в г. Глубоком, который в свою очередь подчинялся Генеральному округу «Беларусь». Сам областной центр – г. Полоцк, а также Ушачский, Россонский, Полоцкий и Ветринский районы входили в зону тыла группы армий «Центр» с военной администрацией. Кроме того, согласно приказа № 10 от 20 марта 1942 г. генерального комиссара в Каунасе часть Видзовского и Поставского районов

были присоединены к генеральному округу «Литва» во главе с генеральным комиссаром А. фон Рентельном [Распоряжение ..., 2009, с. 124.].

Таким образом, изучаемый нами регион в межвоенный и военный периоды входил в состав различных государственных формирований, что не могло не наложить свой отпечаток на проживающее в рамках Полоцкой области население (религиозный, социально-экономический уклад и межнациональные отношения) и на процесс формирования его идентичности.

По национальному составу, как и по количественному, до сих пор ведутся споры между учёными – насколько достоверны данные проводимых переписей? Поэтому в данном случае, перед нами не ставится задача выяснить максимально точное количество проживающего населения на территории Полоцкой области в межвоенный и военный период с учётом административно-территориальных делений и религиозных предпочтений, влияющих на самоидентификацию населения.

По национальному составу Полоцкий регион, в принципе, как и любой другой в рамках территории Беларуси на тот момент, был разноплановым. Так, согласно данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. (без учёта западной части Беларуси) на территории БССР проживало 5 568 994 чел., из них белорусов – 4 615 496 чел., евреев – 375 092 чел., русских – 364 705 чел., украинцев – 104 247 чел., поляков – 58 380 чел., меньшее по количеству имели своё представительство немцы – 8 448 чел., латыши – 8 100 чел., литовцы – 4 284 чел., цыгане – 3 632 чел. [Национальный состав ...]. Что касается Полоцкой области, то на сегодняшний момент опубликована информация об учёте численности сельского населения по данным похозяйственных книг по состоянию на 1 января 1945 г. в сравнении с данными 1939 г. (по восточным районам) и 1940 г. (по западным районам). Так, в восточной части Полоцкой области проживало в 1939 г. 236 000 чел. (в 1945 г. – 123 000 чел.), а в западных районах на момент 1940 г. – 319 400 чел. (в 1945 г. – 241 200 чел.) [Литвин, 2015, с. 12]. Национальный состав не известен. Но имеются данные о национальном составе горожан Полоцка по 1939 г. Так, белорусы составляли 17 032 чел., евреи – 6 464 чел., русские – 4 890 чел., украинцы – 614 чел., поляки – 211 чел., прочие – 366 чел. [Старовойтов, 2012, с. 301]. Исходя из выше приведённых данных, можно сделать вывод о том, что исследуемый нами регион является многонациональным, представленный в основном, кроме титульной нации, русскими, евреями, украинцами, поляками. Что касается западных районов Полоцкой области, которые являются приграничными территориями к прибалтийским республикам – Литве и Латвии, то вполне естественно наличие проживающих там литовцев и латышей. Следует отметить также, что многие белорусы, по вероисповеданию являющиеся католиками, во время нахождения в границах II Речи Посполитой при переписи населения записывались поляками.

Следует отметить, что в период существования СССР вся государственная национальная политика и идеология были направлены на формирование новой исторической общности – советский народ, «объединённый общностью марксистско-ленинской идеологией, высоких целей строительства коммунизма, которые основаны на гармоничных отношениях между классами и социальными группами, на отношениях дружбы и сотрудничества между нациями, национальностями, народностями» [Савецкі народ, 1973, с. 306 – 307]. Поэтому на территории восточной части БССР, включая и часть районов Полоцкой области, население было подвластно советскому мировоззрению, что не могло не сказаться на его поведении в период нацистской оккупации и на отношении к проводимой немцами политики в отношении различных национальностей, в первую очередь к еврейскому населению.

Таким образом, имея многонациональную территорию, немецкие оккупационные власти пытались использовать данный фактор в своих интересах. Обратим внимание в первую очередь на западные районы Полоцкой области, которые, напомним, были в составе II Речи Посполитой, затем с осени 1939 г. произошло воссоединение с БССР, а с осени 1941 г. оказались под гражданской юрисдикцией немецких оккупационных властей.

В генеральном округе «Беларусь», по мнению белорусского историка Е. Гребеня, предпринимались попытки проведения белорусизации. Осенью 1941 г. в западных районах вспомогательная администрация и полиция контролировались поляками. Рассматривая их как более враждебный элемент, нежели титульная нация, немецкие оккупационные власти предпринимали попытки заменить чиновников-поляков белорусами, разрешив создать ряд национальных организаций [Гребень, 2016, с. 18]. Тем не менее, белорусское население заняло выжидающую позицию и высказывало свою пассивность. Как отмечает польский историк Ю. Туронак, «это было общенациональным белорусским явлением», а «западно-белорусскую активность» проявляли поляки, стремившиеся реализовать свои национальные задачи [Туронак, 2008, с. 309].

Кроме того, немцами было предпринято введение национальных языков наряду с немецким в качестве основного. Так, делопроизводство, судя по архивным материалам, в западной части Полоцкой области велось на немецком и белорусском языках, а в восточных районах – на немецком и русском. Но, в случае с Глубокским округом, куда входили западные районы, другие языки, польский и литовский, разрешалось использовать только в устном общении, когда «изъяснение другим способом не представлялось возможным» [Корсак, 2016, с. 132 – 133].

Немецкие оккупационные власти также попытались использовать ещё один фактор для формирования лояльности местного населения по отношению к себе. Это касается религии. Для восточной части Полотчины этот вопрос не стоял остро, так как нахождение на протяжении нескольких десятилетий в составе БССР с

антирелигиозной пропагандой – имело свой результат. Городское население в лице молодого поколения относилось более чем апатично к желанию нацистов сыграть на религиозных чувствах. Ситуация в западной части Полоцкой области, особенно в сельской местности, отличается – население было не против возродить церковное богослужение. Что касается католических верующих, то, по мнению немецкого историка Б. Кьярри, немцы рассматривал католический костёл как «пятую колонну» поляков К'яры, 2008, с. 119]. Согласно данным окружного комиссариата на территории Глубокского округа на момент 1944 г. проживало 289 162 верующих, из них римских католиков – 137 000, православных – 135 000, староверов – 16 000, мусульман – 1 000, баптистов – 156 и евангелистов – 6 [ГАВО. Ф. 2836. Оп. 1. Д. 18. Л. 47]. Исходя их статистических данных понятно, что количество верующих католического и православного вероисповедания в данной административно-территориальной единице практически равнозначно. Немецкое руководство не могло с этим не считаться. Кроме того, на фоне господства двух христианских конфессий оккупационные органы власти не препятствовали появлению различного рода сектантских направлений.

Тем не менее, нацистская пропаганда «объявила целью как возрождения «белорусской нации», так и ведущую роль православной церкви в «возрождении» Беларуси, пробуя тем самым дать контраргументы подобным попыткам советского руководства в СССР» [К'яры, 2008, с. 119].

Этническая или конфессиональная принадлежность влияла на выполнение гражданами трудовой повинности или сдачу налогов. В первую очередь, к трудовой повинности могли привлекаться категории населения, наименее ценные, с точки зрения оккупационных властей, в расовом или этническом плане – евреи, цыгане и поляки [Гребень, 2016, с. 16].

Особое место в период Великой Отечественной войны занимает тема геноцида еврейского населения на территории Беларуси и отношения к ней местного населения. Несмотря на то, что оно было «отравлено» немецкой пропагандой и разработанной ими системой наказаний, все же многим евреям удалось избежать расправы благодаря помощи местных жителей. В основном это происходило во время ликвидации гетто либо накануне. Это говорит о том, что белорусские евреи, сохранив свои традиции и чистоту крови, так или иначе для белорусов являлись «своими». Что же касается других национальных меньшинств, то здесь наблюдается немного другая картина – спасали в данном случае только тех, кто имел родственные связи.

Таким образом, нахождение территории Полоцкого региона в предвоенный период в составе различных государственных образований и административно-территориальных единиц, а также проводимая национальная политика, так или иначе, сказывалось на формировании идентичности местного населения в период Великой Отечественной войны.

6. ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ПРАКТИЧЕСКОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОЛУЧЕННЫХ РЕЗУЛЬТАТОВ

На примере Полоцкого региона XV – XX вв. прослежены механизмы и причинно-следственные связи формирования идентичности населения региона, которые стали следствием развития военных конфликтов. Данное направление изучения актуально в целом и для истории Беларуси рассматриваемого периода, поскольку в XIX веке нациообразующие процессы стали ускоряться и в конечном итоге привели к становлению белорусской государственности в XX веке.

Интерес к истории белорусской государственности сегодня более чем востребован. Свидетельством этого является вышедший недавно первый том пятитомного издания: “История белорусской государственности. В 5 т. Т. 1: Белорусская государственность от истоков до конца XVIII в./А.А. Коваленя [и др.] – Минск: Беларуская навука, 2018”. Не менее важным является принятая парадигма изменения социально-гуманитарного блока в учебном процессе учреждений высшего образования (УВО) Республики Беларусь. Так, в качестве обязательной дисциплины с 2019/2020 учебного года будет введена специальность “История белорусской государственности”, подготовлена соответствующая программа. В разделах учебной программы сквозными темами являются изучение студентами УВО исторических и национальных форм белорусской государственности. В данном аспекте история военных конфликтов, их влияние на формирование идентичности населения белорусских земель, является приоритетной.

По этой причине практическая значимость результатов исследования полагается в плоскости подготовки качественного учебного пособия и материалов для семинарских занятий по данной обязательной дисциплине блока социально-гуманитарных дисциплин для студентов УВО (руководитель темы является одним из членов авторского коллектива учебного пособия по дисциплине “История белорусской государственности”).

Практическое значение проведенного исследования также отражено в апробации в учебном процессе учреждения образования “Полоцкий государственный университет”, что подтверждается соответствующими актами внедрения.

Продолжение изучения темы позволит распространить опыт авторского коллектива на изучение влияния военных конфликтов на формирование идентичности населения иных регионов Беларуси. Это в свою очередь позволит увидеть панорамную картину формирования идентичности населения Беларуси в эпоху Нового и Новейшего времени, будет содействовать пониманию условий формирования белорусской государственности и путей ее развития на современном этапе.

7. РЕЗУЛЬТАТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА СТОРОН

Работа временного российско-белорусского научного коллектива по тематике проекта в 2017-2018 годах осуществлялась согласно заявленному плану. Было налажено тесное взаимодействие с белорусскими участниками совместного проекта, проведено исследование нового источникового материала в российских, белорусских и польских архивах и отделах рукописей библиотек, продолжен и углублен анализ новейшей белорусской, польской и отечественной историографии в разработке проблем, связанных с тематикой проекта. Российский участник проекта в 2017 г. по взаимной договоренности сосредоточил внимание на анализе особенностей формирования идентичности на белорусских землях под влиянием наиболее значимых военно-политических событий XVII-XX вв. и их последствий. Исследования российско-белорусского научного коллектива дали возможность достичь к концу 2017 г. конкретных научных результатов в виде 6 опубликованных научных статей, 3 из них опубликованы российским участником проекта, причем в одном случае в соавторстве с белорусским участником проекта А.А. Шишковым.

Итогом анализа особенностей влияния военных конфликтов XIX - начала XX вв. и военно-политических событий 1919-1945 гг. на формирование идентичности населения белорусских земель стала статья Ю.А. Борисёнка «1917 год и окончание Первой мировой войны как факторы формирования идентичности восточных славян (на примере белорусского народа)», опубликованная в Праге в коллективной монографии «Революции 1917 года в России и славянские народы Европы». Результатом изучения особенностей воздействия первой мировой войны и революционных перемен 1917 г. на население белорусских земель и формирование советского типа идентичности стала статья Ю.А. Борисёнка и А.А. Шишкова «Ежовские рукавицы. Старший писарь Николай Ежов жестко редактировал свою революционную биографию», опубликованная в журнале «Родина». Итогом анализа влияния войны России с Речью Посполитой 1654-1667 гг. на формирование разделительных линий в Восточной Европе и складывание белорусской идентичности стала статья Ю.А. Борисёнка «Пространство границ, усечённых войной. Размышления о книге Ирины Герасимовой о виленской социокультурной среде», опубликованная в т. 23 продолжающегося издания «Русский Сборник: Исследования по истории России».

В 2018 г. российский участник проекта обратился к исследованию хода и последствий военных конфликтов на белорусских землях и в Полоцком регионе в частности, связанных с событиями Отечественной войны 1812 г., восстанием 1863-1864 гг., с приоритетным акцентом на итоги первой и второй мировых войн. К концу 2018 г. участникам проекта удалось достичь конкретных научных результатов в виде 15 научных публикаций (7 из них - результаты работы российского участника

проекта, в том числе 3 опубликованы в соавторстве с белорусским участником проекта А.А. Шишковым; 8 - белорусских коллег). Результатом исследования влияния военных конфликтов XIX – начала XX в. на идентичность офицеров русской армии, имевших отношение к Полоцкому региону и Витебской губ., стала статья Ю.А. Борисёнка и А.А. Шишкова «Генерал С.Н. Войцеховский: уроженец Витебской губернии на службе чехословацкого государства», опубликованная в изданной в Праге коллективной монографии «Образование Чехословацкой республики в 1918 году в истории России и славянских народов». Итогом анализа подходов современной исторической науки к последствиям первой мировой и советско-польской войн для белорусского общества стала статья Ю.А. Борисёнка «Влияние войн и военных конфликтов 1914-1921 гг. на формирование идентичности населения белорусских земель: особенности подхода историографии 2010-х гг.», опубликованная в журнале «Славянский альманах». Особенности формирования и решения белорусских проблем по итогам первой мировой, Гражданской и советско-польской войн посвящена статья Ю.А. Борисёнка «Белорусский вопрос в водовороте революционных событий и значение польского фактора для его разрешения (1917-1923 гг.)», опубликованная в т. 108 «Столетие Революции 1917 года в России» продолжающегося издания «Труды Исторического факультета МГУ». Итогом анализа влияния Отечественной войны 1812 г., польского восстания 1863-1864 гг., русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и первой мировой войны на самосознание и самоопределение выпускников военно-учебных заведений Российской империи, имевших отношение к Полоцкому региону, стала статья Ю.А. Борисёнка и А.А. Шишкова «От русского офицера до чехословацкого генерала: жизненный путь С.Н. Войцеховского на рубеже эпох», опубликованная в изданной в Минске коллективной монографии «Истоки чехословацкой государственности и Россия». Воздействию процессов германской оккупации и выхода Советской России из Первой мировой войны на белорусские процессы посвящена статья Ю.А. Борисёнка «Брестский мир и переезд советского правительства как геополитические факторы и их влияние на белорусский вопрос», опубликованная в изданном в Санкт-Петербурге сборнике научных статей «Переезд советского правительства в Москву. К 100-летию возвращения столицы в Первопрестольную». Итогом исследования процессов эволюции идентичности уроженцев Полоцкого региона в эмиграции стала статья Ю.А. Борисёнка и А.А. Шишкова «Дворянин Витебской губернии, генерал армии ЧСР С.Н. Войцеховский в дни Мюнхена и в годы Второй мировой войны: судьба антикапитулянта», опубликованная в изданной в Минске коллективной монографии «СССР и Чехословакия в XX веке: ключевые события и вызовы эпохи». Результатом изучения отражения процессов формирования белорусской идентичности на фоне военных конфликтов XIX – первой половины XX вв. стала статья Ю.А. Борисёнка «Путь к советской нации на фоне войн и

революций: начальный этап белорусизации в интерпретации Алены Марковой», опубликованная в журнале «Славянский альманах».

Таким образом, главная цель совместного исследования 2017-2018 гг. – выявить на примере Полоцкого региона степень влияния военных конфликтов на белорусских землях в XV-XX вв. на формирование наиболее характерных черт этнокультурной, гражданской, этноконфессиональной и региональной идентичности местного населения – была успешно достигнута. Конечным итогом исследовательской работы российско-белорусского временного научного коллектива, как и было задумано, стало написание обобщающей научной работы в виде серии статей: к концу 2018 г. в российской и белорусской научной периодике, а также в сборниках статей и коллективных монографиях была опубликована 21 научная статья по тематике проекта (при 10 запланированных на весь период реализации совместного проекта), 10 из них опубликованы российским участником проекта, в том числе 3 в соавторстве с белорусскими участниками проекта.

Научные публикации российского исполнителя проекта:

Борисёнок Ю.А. 1917 год и окончание Первой мировой войны как факторы формирования идентичности восточных славян (на примере белорусского народа) // Революции 1917 года в России и славянские народы Европы. Сборник материалов международной научно-практической конференции, 2017, 129-148; Борисёнок Ю.А., Шишков А.А. Ежовские рукавицы. Старший писарь Николай Ежов жестко редактировал свою революционную биографию // Родина, 2017, 6, 34-37; Борисёнок Ю.А. Пространство границ, усечённых войной. Размышления о книге Ирины Герасимовой о виленской социокультурной среде // Русский Сборник: Исследования по истории России, 2017, 23, 385-395; Борисёнок Ю.А., Шишков А.А. Дворянин Витебской губернии, генерал армии ЧСР С.Н. Войцеховский в дни Мюнхена и в годы Второй мировой войны: судьба антикапитулянта // СССР и Чехословакия в XX веке: ключевые события и вызовы эпохи, 2018, 158-174; Борисёнок Ю.А. Путь к советской нации на фоне войн и революций: начальный этап белорусизации в интерпретации Алены Марковой // Славянский альманах, 2018, 3, 247-253; Борисёнок Ю.А.. Влияние войн и военных конфликтов 1914-1921 гг. на формирование идентичности населения белорусских земель: особенности подхода историографии 2010-х гг. // Славянский альманах, 2018, 1, 130-143; Борисёнок Ю.А., Шишков А.А. От русского офицера до чехословацкого генерала: жизненный путь С.Н. Войцеховского на рубеже эпох // Истоки чехословацкой государственности и Россия, 2018, 122-147; Борисёнок Ю.А., Шишков А.А. Генерал С.Н. Войцеховский: уроженец Витебской губернии на службе чехословацкого государства // Образование Чехословацкой республики в 1918 году в истории России и славянских народов, 2018, 108-130; Борисёнок Ю.А. Белорусский вопрос в водовороте революционных событий и значение польского фактора для его разрешения (1917-1923 гг.) // Столетие Революции 1917 года в России / Труды Исторического

факультета МГУ. Т. 108, 2018, 1, 547-555; Борисёнок Ю.А. Брестский мир и переезд советского правительства как геополитические факторы и их влияние на белорусский вопрос // Переезд советского правительства в Москву. К 100-летию возвращения столицы в Первопрестольную, 2018, 94-1.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На примере личности Франциска Скорины можно отметить формирование новой идентичности полочанина рубежа XIV – XV вв., нашедшую отражение в свободе выбора веры (принимая во внимание католическое вероисповедание Скорины как наиболее вероятное), а также в образовательной парадигме (восприятие общеевропейских духовных ценностей и научных достижений). В дальнейшем эта свобода выбора будет реализована посредством образовательной стратегии ордена иезуитов в Полоцке по завершении Ливонской войны.

Истоки этой свободы уходят вглубь веков и впервые отражены в экуменистской деятельности игуменности Спасского монастыря, Преподобной Евфросинии Полоцкой в XII веке. Именно в её духовном наследии отразились влияние восточного и западного христианства.

Из фактов биографии полочанина Франциска Скорины следует, что именно военное положение Полоцка как приграничной тверди являлись основной причиной реализации творческого потенциала Франциска Скорины вне пределов родного Полоцка. В дальнейшем военный фактор также станет одной из причин миграции другого известного просветителя, педагога и поэта – Симеона Полоцкого. Отрыв от полоцких реалий для реализации творческих амбиций Скорины был неизбежен. Университетского образования в то время в Полоцке не было. Более того, войны начала XVI в. препятствовали обустройству в Полоцке высокотехнологичных печатных мастерских. Получив начальное образование в Полоцке и пронеся память о Полоцке как о своей малой родине, Скорина реализовал создание книги печатным способом, используя для этого умения и навыки, наработанные в Европе. Тем не менее, его ярко выраженная «русинская» идентичность не вызывает сомнения, как и тот факт, что свое «русинское» происхождение он связывал с Полоцком (именно регион Белорусского Поднепровья и Подвинья отождествлялся в рассматриваемый период с хоронимом «Русь», а эндоэтноним “русь” отождествлялся со всеми частями старобелорусского этноса). Франциск Скорина повлиял на укрепление государственной идентичности и патриотизма жителей ВКЛ, всячески подчеркивая в изданных им книгах библии неразрывную связь с Родиной, а по- существу в своих трудах Скорина артикулировал национальную концепцию бытия народа, поскольку важнейшим маркером идентичности он считал именно языковую культурно-историческую общность, происхождение и общую территорию.

Под влиянием Ливонской войны продолжилась дальнейшая «европеизация» городского пространства Полоцка, начатая еще в конце XV в. на примере внедрения новых технологий (появление «светлиц»: помещений и домов с камерными изразцовыми печами, как следствие – новые веяния в «эстетизации» жизненного уклада), но получившая широкое распространение именно на рубеже XVI–XVII вв.

(массовое строительство деревянных светлиц, расширение ассортимента изделий декоративно-прикладных изделий из терракоты и стекла в быту).

Новая реальность, в которой стала протекать повседневная жизнь полочан в «постливонский» период истории Полоцка нашла проявление не только в расширении католической конфессии и связанной с ней прав католического и униатского населения (унияты – те же католики), но и в этническом плане. В Полоцке, по свидетельству ряда источников, осталась проживать часть людей из московского гарнизона стрельцов Ивана IV. Локализация дворов «москвитов» в Полоцке осталась практически неизменной – бывшие стрельцы проживали на Нижнем замке, ими же когда-то и основанном. Некоторая их часть служила в охране Верхнего замка («гайдуки»). Проявлением их деятельности в 1599 году стали волнения в Полоцке, учиненные «москвой» (собственно, жителями московского царства), по причине несогласия с григорианским календарем.

Таким образом, этническая (наряду с традиционной конфессиональной толерантностью) – еще одна яркая черта идентичности городского населения Полоцка, укрепившаяся вследствие Ливонской войны. При этом конфессиональные конфликты не имели решающего значения, например, в вопросе государственной идентичности. Несмотря на противоречивые тенденции, жители Полоцка, Витебска и Могилева, т. е. исторических центров Белой Руси, воспринимали себя в первую очередь как граждане Великого княжества Литовского, демонстрируя на деле свой государственный патриотизм. Ярким примером, подтверждающим данный тезис, является факт возвращения г. Витебску от короля Владислава IV магдебургского права в 1633 году за награду за военные действия против московских войск (ранее город был лишен магдебургского права за убийство Иосафата Кунцевича).

Следствием Ливонской войны также стало укрепление государственной идентичности населения Полоцка как составной части ВКЛ. Появление иезуитов в Полоцке, непосредственно приглашенных Стефаном Баторием после отвоевания им Полоцка, содействовало модернизации городского пространства (появление на протяжении конца XVI – первой половины XVII в. первых кирпичных корпусов будущего крупнейшего в ВКЛ комплекса коллегиума). Данная модернизация привела в XVIII в. к масштабному строительству сети католических кляшторов с великолепными памятниками сакрального зодчества, а также комплекса братской школы при православном Богоявленском монастыре. После Ливонской войны идентичность населения Полоцка в большей степени соответствовала тенденциям развития ВКЛ как поликонфессионального, полиэтнического и мультикультурного государства благодаря многочисленным контактам с выходцами из Центральной Европы. На примерах ряда сюжетов произведений декоративно-прикладного искусства из Полоцка и Полоцкого региона можно судить о непосредственном знакомстве с европейской культурой, но укоренению ряда её черт в организации жизненного пространства, эстетических предпочтений.

В период войны 1812 года этническая идентичность местного населения представляется в виде спектра понятий, не связанных с современным определением этнических маркеров: поляки – дворяне (различного рода занятий) римско-католического вероисповедания, мещане (в малой степени крестьяне) униатского вероисповедания, уроженцы бывшей Речи Посполитой, этнические поляки; литовцы – уроженцы бывшего Великого княжества Литовского независимо от сословного и конфессионального происхождения; русские – чиновники великороссийских губерний либо военнослужащие российской императорской армии, местное православное население. В указанный исторический период этническая самоидентификация дворян-католиков, а также мещан-христиан также спектрально определяется понятиями-маркерами – поляк, литовец, географической координатой – обыватель, житель (жителька) такого-то города (местечка) либо принадлежностью к административной должности бывшей Речи Посполитой – подсудок, подлекарь, шамбелян бывшего «польского двора» и т.д. Этническая идентификация и самоидентификация крестьян Витебской губернии в указанный период выражена слабо.

Начало процесса формирования некоторых особенностей белорусской идентичности можно соотнести с событиями антиправительственного движения 1861 – 1862 гг. и вооружённого восстания 1863 г. на территории северо-западных губерний Российской империи.

В указанный период наблюдаются попытки создания собственно белорусского национального движения некоторыми представителями дворянского сословия северо-западных губерний в рамках польского национально-освободительного движения.

Некоторые представители дворянского сословия северо-западных губерний Российской империи в период 1861 – 1863 гг. вели активную работу по организации центров белорусской культурной жизни: в некоторых городах создавались белорусские литературно-театральные кружки (г. Витебск посредством Артёма Вериги-Даревского был создан и некоторое время на базе витебской гимназии существовал т.н. «белорусский кружок»), вместе с этим, в гимназиях велась популяризация белорусского языка и культуры; на базе некоторых дворянских усадеб Северо-Западного края (в Могилёвской и Витебской губерниях в частности) устраивались «народные» школы для детей крестьянского сословия с преподаванием на белорусском языке. Отчасти это делалось с целью его привлечения к антиправительственному движению и вооружённому восстанию. В рамках преподавания в указанных школах известны случаи написания учебников на белорусском языке (написаны латинским шрифтом). Вышеуказанные тенденции, свидетельствующие о начале формирования белорусской идентичности, выразительно прослеживаются в деятельности политического и культурного деятеля Витебской губернии Артёма Вериги-Даревского.

Однако, в целом, крестьянское сословие изучаемого региона не стало субъектом процесса формирования этнической идентичности, и, только в некоторых случаях, являлось его объектом.

Восстание 1863 года на территории северо-западных губерний Российской империи также положило начало (документально засвидетельствованное) белорусской самоидентификации в среде дворянского сословия указанного региона. Данная тенденция отчасти зафиксирована в частной переписке того же Артёма Вериги-Даревского с писателем Адамом Киркором и некоторыми учащимися витебской мужской гимназии. Вместе с этим, в указанный период официальная статистика в процессе определения белорусской идентификации иногда отходит от принципа конфессиональной принадлежности (крестьянин – православный – белорус, помещик – католик – поляк) к языковому в отношении представителей всех сословий. («Сведения о населённых местах, собранные губернскими статистическими комитетами МВД по предписанию Министра внутренних дел от 9 апреля 1859 г. для подготовки издания полного списка населённых мест Российской империи»).

За четыре с лишним года Первой мировой войны идентичность жителей Полоцка и региона подвергалась самым разнообразным воздействиям: одних смен власти было зафиксировано за это время четыре (императорская, Временное правительство, советская и германская оккупационная). Как мирным жителям, так и представителям военных кругов, среди которых заметное место занимали выпускники Полоцкого кадетского корпуса, приходилось постоянно приспосабливаться к быстро меняющимся реалиям и в этих неблагоприятных условиях делать выбор в пользу новых для той эпохи вариантов идентичности, среди которых приоритетное место занимали советский и польский.

Территория Беларуси в современных её границах на протяжении только XX века входила в состав различных и государственных и административно-территориальных единиц – Российская империя, Белорусская Народная Республика (БНР), Советская Социалистическая Республика Белоруссия (ССРБ), ССР ЛитБел, Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР), II Речь Посполитая. В годы немецкой оккупации 1941 – 1944 г. в принципе территориально белорусские земли были разделены не только на различные административно-территориальные единицы с гражданскими органами власти, но и большая часть находилась в прифронтовой полосе с военным управлением.

Таким образом, изучаемый нами регион в межвоенный и военный периоды входил в состав различных государственных формирований, что не могло не наложить свой отпечаток на местное население (религиозный, социально-экономический уклад и межнациональные отношения) и на процесс формирования его идентичности.

Следует отметить, что в период существования СССР вся государственная национальная политика и идеология были направлены на формирование новой исторической общности – советский народ, «объединённый общностью марксистско-ленинской идеологией, высоких целей строительства коммунизма, которые основаны на гармоничных отношениях между классами и социальными группами, на отношениях дружбы и сотрудничества между нациями, национальностями, народностями». Поэтому на территории восточной части БССР население было подвластно советскому мировоззрению, что не могло не сказаться на его поведении в период нацистской оккупации и на отношении к проводимой немцами политики в отношении различных национальностей, в первую очередь к еврейскому населению.

В 1941-1944 гг. немцами во время оккупации Полотчины было предпринято введение национальных языков наряду с немецким в качестве основного. Делопроизводство, судя по архивным материалам, в западной части Полоцкой области велось на немецком и белорусском языках, а в восточных районах – на немецком и русском. Но, в случае с Глубокским округом, куда входили западные районы, другие языки, польский и литовский, разрешалось использовать только в устном общении.

Немецкие оккупационные власти также попытались использовать ещё один фактор для формирования лояльности местного населения по отношению к себе – религиозный. Для восточной части Полотчины этот вопрос не стоял остро, так как нахождение на протяжении нескольких десятилетий в составе БССР с антирелигиозной пропагандой имело свой результат. Городское население в лице молодого поколения относилось более чем апатично к желанию нацистов сыграть на религиозных чувствах. Ситуация в западной части Полоцкой области, особенно в сельской местности, отличается – население было не против возродить церковное богослужение. Что касается католических верующих, то немцы рассматривали католический костёл как «пятую колонну» поляков.

Этническая или конфессиональная принадлежность влияла на выполнение гражданами трудовой повинности или сдачу налогов. В первую очередь, к трудовой повинности могли привлекаться категории населения, наименее ценные, с точки зрения оккупационных властей, в расовом или этническом плане – евреи, цыгане и поляки.

Таким образом, нахождение территории Полоцкого региона в предвоенный период в составе различных государственных образований и административно-территориальных единиц, а также проводимая национальная политика, так или иначе, сказывалось на формировании идентичности местного населения в период Великой Отечественной войны.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев, Л.В. Западные земли домонгольской Руси : очерки истории, археологии, культуры : в 2 кн. / Л.В. Алексеев ; Ин-т археологии РАН. – М. : Наука, 2006. – Кн. 1. – 2006. – 289 с.
2. АСД. – Вильна, 1867. – Т. 1. – 409 с.
3. Бабятынскі, К. Дзейнасць войска Васіля Пятровіча Шарамецева на тэрыторыі Полацкага ваяводства ў час вайны Рэчы Паспалітай з Масковіяй у 1654 – 1655 гг. / К. Бабятынскі // АРСНЕ. – 2009. – № 4. – С. 288 – 311.
4. Беляев, А.В. Местная коллаборационистская администрация как составная часть нацистского оккупационного режима в Беларуси (1941 – 1944 гг.) / А.В. Беляев // Беларусь. 1941 – 1945: Подвиг. Трагедия. Память. В 2 кн. Кн. 1 / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск: Беларус. навука, 2010. – С. 116 – 117.
5. Борисёнок, Ю.А. На крутых поворотах белорусской истории. Общество и государство между Польшей и Россией в первой половине XX века / Ю.А. Борисёнок. – М.: Родина МЕДИА, 2013. – 353 с.
6. Брянцев, П.Д. Польский мятеж 1863 года. / П.Д. Брянцев.-Вильна, 1892.-276 с.
7. Варонін, В. Падзеі вайны 1512-1522 гадоў у Беларускім Падзвінні / В. Варонін // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы : науч. сб. Вып 6. – Минск : РИВШ, 2013. – С. 192–218.
8. Витебск во время Отечественной войны 1812 года . – 2018. – Режим доступа:http://www.evitebsk.com/wiki/Витебск_во_время_Отечественной_войны_1812_года. – Дата доступа: 12.05.2018
9. Витебская старина / сост. А. Сапунов, 1888. – Т. V: Витебск: Типо-литография Г.А. Малкина. – 670 с. + 40 л. ил.
10. Витебский вестник. – 1916.
11. Витебское слово. – 1917.
12. ГАВО. – Ф. 2825. Оп. 1. Д. 1.
13. Галенчанка, Г. Праблемныя дакументы Сарыніяны ў кантэксте рэальнай крытыкі / Г. Галенчанка // 480 год беларускаму кнігадрукаванню: Матэрыялы Трэціх Скарынаўскіх чытанняў, [г. Полацк, 9-12 верасня 1987 г. / рэдактары А. Мальдзіс, Н. Давыдзенка, У Конан]. – Мінск: Беларуская навука, 1998. – С. 9–20.
14. Гейденштейн, Р. Записки о Московской войне (1578 – 1582) / Р. Гейденштейн. – С-Птб.: Издание археографической комиссии, 1889. – 309 с. [указатели – 27 с.].
15. Географический словарь Российского государства. Ч. 4. Отд. 1. – М.: Университетская типография у Любиа, Гария и Попова, 1805. – 1366 с.
16. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Ф. 2823. Оп. 1. Д. 1.

17. Государственный архив Витебской области. – Ф. 2836. Оп. 1. Д. 18. Л. 47.
18. Гребень, Е.А. Гражданское население Беларуси в условиях немецкой оккупации (1941 – 1944 гг.): монография / Е.А. Гребень. – Минск: БГАТУ, 2016. – 496 с.
19. Даўгяла, З. Ролосіае тоспіа. Гістарычна-тапаграфічны нарыс полацкіх умацаванняў / З. Даўгяла // Запіскі аддзелу гуманітарных навук Ін-та беларускае культуры. Менск, 1928. Кн. 3. Працы клясы гісторыі. Т 2. С. 209 – 239.
20. Дейнис, И.П. Рукопись «Полоцк в XX веке (1905 – 1967 гг.)» // НПИКМЗ. КП – S2774. – Л. 230.
21. Дзярновіч, А.І. Гарадская сядзіба Полацка XVII ст. (паводле інвентара з Радзівілаўскага архіва) / А.І. Дзярновіч // ГАППЗ: матэрыялы V Міжнароднай навуковай канферэнцыі (24 – 25 кастрычніка 2007 г.). – Полацк: НППГКМЗ, 2009. – С. 65 – 75.
22. Дук Д.В. “Полацк і палачане (IX – XVIII стст) / Д.У. Дук – Наваполацк: ПДУ, 2010. – 180 с., [22] арк. іл.
23. Дук Д.У. Полацк XVI–XVIII стагоддзяў: нарысы тапаграфіі, гісторыі матэрыяльнай культуры і арганізацыі жыццёвай прасторы насельніцтва беларускага горада / Д.У. Дук. – Наваполацк: ПДУ, 2007. – 268 с.: іл.
24. Дук, Д. Археалагічная разведка на Запалоцкім пасадзе Полацка ў 2003 г. / Д. Дук // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2006. – № 11. — С. 104–113.
25. Дук, Д.В. Об одном сюжете печного изразца XVI века из Глубокого / Д.В. Дук // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2017. № 9. – С. 2–5.
26. Дук, Д.У. Новыя знаходкі рэнесанснай кафлі ў Полацку (да пытання аб сацыятапаграфічнай структуры Запалоцкага пасада ў першай палове XVI ст.) / Д.У. Дук, А.А. Салаўёў // Памятники эпохи железа и средневековья Беларуси (К 60-летию О.Н. Левко) / Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Минск: ГНУ “Институт истории НАН Беларуси”, 2007. – № 14. – С. 215–221.
27. Зайцов А.А. Шестнадцать лет РККА // Российский военный сборник. - № 16. – М.: Военный университет, Русский путь, 1999. С. 217-254.
28. Зарин, А.Е. Исторический очерк Отечественной войны / А.Е. Зарин. – СПб, 1911. – 126 с.
29. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1164. Оп. 11. Д. 41.
30. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 687. Оп. 1. Д. 1.
31. Зотов, Р. Рассказы о походах 1812 -1813 гг. прапорщика санктпетербургского ополчения / Р. Зотов. – СПб, 1836. – 183 с.
32. Иванова, Л.С. Из истории реформационной церкви в Полоцке (вторая половина XVI – первая половина XVII в.) / Л.С. Иванова // ГАППЗ. – Полацк, 1992. – С. 25 – 27.
33. Иезуиты в Полоцке: 1580—1820 гг. В 2 ч. Ч. 2. Полоцк, 2005. — (Наследие Полоцкой земли. Вып. 3), с. 19

34. Из времён польского восстания 1863 года (воспоминания старого кадета-полочанина) // Исторический вестник. – 1907. - №28. – С.792-802
35. Ильинский, П.Д. Три года под немецкой оккупацией в Белоруссии / П.Д. Ильинский / Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Составитель К.М. Александров. – СПб.: Скрипториум, 2011. – с. 55.
36. Истинное описание или жизнь Гавриила Добрынина, им самим написанная в Могилёве и Витебске (1752 – 1823). – СПб, 1872. – 380 с.
37. История иезуитов в Полоцке. Полоцко-Витебская Старина. Кн. 2 – 1912 С. 6 – 7
38. К. Калиновский: Из печатного и рукописного наследия. / Ин-т истории партии пр ЦК КП Белоруссии – фил. Ин-та марксизма-ленинизма пр ЦК КПСС. – Мн.: Бееларусь, 1988. – 208 с.
39. К’яры, Б. Штодзённасць за лініяй фронту: Акупацыя, калабарацыя і супраціў у Беларусі (1941 – 1944 г.) / Пер. з ням. Л. Баршчэўскага; нав. рэд. Г. Сагановіч. – 2-е выд., папраўл. – Мінск, 2008. – 390 с.
40. Каліноўскі, К. За нашу вольнасць: творы, дакументы. / НАН Беларусі, Ін-т літаратуры; навук. рэд Я. Янушкевіч.- Мн.: Беларускі кнігазбор, 1999.- 464 с.
41. Каминский, В.В. Брат против брата: офицеры-генштабисты в 1917-1920 годах. // Вопросы истории. – 2003. – № 11. – С. 115-126.
42. Кароткія выпіскі са следчых спраў Віцебскай следчай камісіі за спробу ўзняць паўстанне // НИАБ. - Фонд 3046. - Воп.1. - Спр.1
43. Кісялёў Г. Ці быў скарына віленскім шкаляром? (Апокрыф Кіркора і сучасныя падыходы) // Скарыніч: літ.-наук. гадавік. Вып. 5 / Укл. А. Каўка. – Мн.: Беларускі кнігазбор, 2002. – С. 11–17.
44. Книга полоцкого похода 1563 г. (Исследование и текст) – СПб.: Российская национальная библиотека, 2004. – 107 с.
45. Князь Олег. — Пг., 1915. – 204 с.
46. Корсак, А. Отражение повседневной жизни населения Витебщины периода нацистской оккупации (1941 – 1944 гг.) в документах Государственного архива Витебской области / А. Корсак // Vēsture: avoti un cilvēki. XXV zinātniskie lasījumi. Vēsture XIX. – Daugavpils: Daugavpils Universitātes Akadēmiskais apgāds “Saule”, 2016. – S. 132 – 141.
47. Корсак, А.И. «Оздоровительный лагерь» для советских военнопленных в г. Полоцке в период нацистской оккупации / А.И. Корсак // Беларусь и белорусы в годы Великой Отечественной войны: материалы Республиканской научно-практической конференции, посвящённая 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Минск, 13 мая 2015 г. / редкол.: А.М. Литвин [и др.]. – Минск: БГАТУ, 2015. – С. 67 – 71.
48. Корсак, А.И. Деятельность Экиманской сельской (волостной) управы Полоцкого района в структуре оккупационных органов власти на территории

Тылового района группы армий “Центр” в 1941 – 1944 гг. / А.И. Корсак // Вестн. Полоцк. гос. ун-а. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 113–118.

49. Котлярчук, А.С. Праздничная культура в городах России и Белоруссии XVII в.: официальные церемонии и крестьянская обрядность / А.С. Котлярчук. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001. – 240 с.

50. Ла-Флиз Д. де. Поход Наполеона в Россию в 1812 году / де Ла-Флиз Д. – М.: Образование, 1912. – 145 с.

51. Лебедевская летопись (ПСРЛ. Том двадцать девятый). Отв. ред. М.Н. Тихомиров. – М.: Наука, 1965. – С. 224 – 314.

52. Литвин, А.М. О людских потерях Беларуси в годы Великой Отечественной войны / А.М. Литвин // Наука и инновации. – 2015. – № 5 (147). – С. 4 – 16.

53. Любавский, М.К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-русского государства / М.К. Любавский. – М.: Университетская типография, 1892. – 884 с.

54. Лютый, А.М. Социально-экономическое развитие городов Белоруссии в конце XVIII – первой половине XIX века / А.М. Лютый; под. ред. В.В. Чепко. – Минск: Наука и техника, 1987. – 181 с.

55. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: Этнаканфесійныя і сацыякультурныя стэрэатыпы (X - XVII стст.): Манаграфія / І.А. Марзалюк. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2002. – 324 с.

56. Марзалюк, І.А. Этнічны і канфесійны свет беларускага горада XVI-XVIII стст. (Этнаканфесійны склад насельніцтва, этнічныя і канфесійныя стэрэатыпы беларускіх гараджан): манаграфія / І.А. Марзалюк. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2007. – 164 с.: іл.

57. НАРБ. – Ф. 1440. Оп. 3. Д. 949.

58. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 17.

59. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 20.

60. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 917.

61. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 1. Д. 917.

62. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1308.

63. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 1308.

64. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 45.

65. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 2. Д. 45.

66. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26.

67. НАРБ. – Ф. 1450. Оп. 4. Д. 26.

68. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 1403. Оп. 1. Д. 254.

69. Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник. КП – S2774.

70. Национальный состав населения БССР по данным Всесоюзной переписи населения 1939 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=5. Дата доступа: 23.05.2017.
71. НИАБ. Фонд 1823. – Воп. 1. – Спр. 10. Актавая кніга Полацкага магістрата за 1721 г.
72. Новицкий В.Ф. Мировая война 1914-1918 гг. Кампания 1914 г. в Бельгии и Франции. – Т. 1 – 2. – М.: Воениздат НКО СССР, 1938.
73. Новицкий Е.Ф. Неизреченная красота подвига // Военный Сборник общества ревнителей военных знаний и кружков высшего военного образования. – Кн. XI. – Белград, 1930. – С. 133-147.
74. Новицкий Ф.Ф. Против Колчака и на путях к Туркестану // Гражданская война, 1918–1921. – Т. 1: Боевая жизнь Красной Армии. – М. : Военный вестник, 1928. – С. 164–189.
75. Новікаў, С.Я. Беларусь улетку 1941 года: новыя падыходы ў даследаванні баявых дзеяннях / С.Я. Новікаў. 2-е выданне, выпраўленае і дапоўненае. – Смаленск, 2015. – 436 с.
76. Огородников, А.А. Социально-экономическое развитие Полоцка в 1917-1991 годах. – Дис. ... к.и.н. – Витебск, 2018. – 211 с.
77. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 21. Москва: б.в., б.г., – 592 с.
78. Отечественная война 1812 года / Материалы военно-учёного архива генерального штаба. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XIV. Боевые действия в 1812 г. – СПб, 1910. – 344 с.
79. Отечественная война 1812 года // Материалы военно-учёного архива генерального штаба. Отд. I. Переписка русских правительственных лиц и учреждений. Т. XVIII. Боевые действия в 1812 г. – СПб, 1911. – 287 с.
80. Памяць : гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2002. – 912 с.
81. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Полацка / Рэд. кал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш.; маст. Э.Э. Жакевіч. – Мн.: БелЭн, 2002. – С. 42 – 43.
82. Пасторе, А . Д. Записки маркиза Пасторе о 1812 / А . Д. Пасторе ; пер. с франц., примеч. П. Бартенева // Русский архив. – 1900. – Кн. 3. Вып. 12. – С. 481-548
83. Полотчина. Издание Полоцкого окружного исполнительного комитета. – Полоцк, 1925. – 196 с.
84. Полоцк: ист. очерк / АН БССР, Ин-т истории ; [редкол.: П. Т. Петриков [и др.]. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Мн.: Наука и техника, 1987. – 320 с.
85. Полоцк: Ист. очерк / АН БССР. Ин-т истории; Редкол.: П.Т. Петриков (отв. ред.) и др. 2-е изд., перераб. и доп. – Мн.: Наука и техника, 1987. – 320 с.
86. Полоцкая ревизия 1552 г. К изданию подготовил И.И. Лаппо. – Москва: Университетская типография, Страстной бульвар, 1905. – 237 с.
87. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в.: в 6 вып. / Акад. наук СССР. Ин-т истории СССР. – М., 1977 – 1989. – Вып. 2 / сост. А.Л. Хорошкевич. – 1978 – 220 с.

88. Поляков, С.И. Полоцкий кадетский корпус. История в лицах / С. И. Поляков.— Полоцк : Полоцк. кн. изд-во : Спасо-Евфросиниевский женский монастырь в г. Полоцке, 2010. — 71 с. : ил. — (Наследие Полоцкой земли ; вып. 12).
89. Приказы по Первому отдельному пехотному корпусу генерала П. Х. Витгенштейна из фондов Музея - заповедника "Бородинское поле" как источник о событиях 1812 года. — 2018. — Режим доступа: <http://unis.shpl.ru/Pages/Search/BookCard.aspx?Id=>. — Дата доступа: 12.05.2018
90. Пруслін, Н. М. Барацьба за Кастрычнік у Полацку / Н. М. Пруслін, Менск : Дзярж. выд-ва Беларусі, 1934. — 56 с.
91. Распоряжение о новом делении Литовской Генеральной Области от 20 марта 1942 г. // Гетто Опшмянского, Свирского, Швянчёнского уездов: списки узников. — Вильнюс: Литовский государственный центральный архив, 2009. — С. 124.
92. Ратч, В. Сведения о полском мятеже 1863 года в северо-Западном крае. В 2-х т. Т. I / В. Ратч. — Вильно, 1861.- 685 с.
93. РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 92
94. РГИА. Ф. 1309. Оп. 1. Д. 95
95. Савецкі народ // Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. Т. 9. Рабкор — Сочы. Гал. Рэд. П.У. Броўка. — Мн., 1973. — С. 306 — 307.
96. Сагановіч, Г. Невядомая вайна: 1654-1667 / Г. Сагановіч. — Мінск: Навука і тэхніка, 1995. — 144 с.
97. Сагановіч, Г.М. Паўночная Беларусь у апісанні Паўля Одэборна / Г.М. Сагановіч // БГА. — 2005. — Том. 12, Сш. 1 — 2 (22 — 23). — С. 162 — 189.
98. Салаўёў, А.А. Каменныя будынкi полацкага езуіцкага калегіума апошняй чвэрці XVII — першай паловы XVIII стагоддзя (па выніках натуральных даследаванняў корпуса В) / А.А. Салаўёў // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых даследаванняў (да 80-годдзя пачатку археалагічных раскопак у г. Полацку): зб. навук. прац рэсп. навук.-практ. семінара, Полацк, 20 — 21 лістап. 2008 г. / пад агульн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача. — Наваполацк: ПДУ, 2009. — С. 70 — 79.
99. Сапунов, А.П. Историко-статистический очерк г. Витебска / А.П. Сапунов // Витебская старина. Т. I. — Витебск, 1883. — С. 559-625
100. Сегюр, Ф.-П. История похода в Россию. Мемуарыгенерал-адъютанта / Ф.-П. Сегюр. — М. : Изд-во «Заха-ров», 2014. — 488 с.
101. Смирнов, А.Ф. Восстание 1863 года в Литве и Белоруссии. / А.Ф. Смирнов. - Москва.: Наука, 1963.- 390 с.
102. Соловьев, А.А. Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581-1914) : архитектурно-археологический очерк / А.А. Соловьев. — Полоцк : Полоцк. кн. изд-во, 2012. — 97 с. : ил., XII с. цв. ил.
103. Справы полацкага гродзскага суда 1533 — 1539 гг. // Беларускі архіў. — Мінск, 1928. — Т. 2. — 344 с.
104. Старовойтов, М.И. Население Полоцка и Полотчины в 1920 — 1930-е годы: этнодемографические и социокультурные изменения / М.И. Старовойтов //

Полацк у гісторыі і культуры Еўропы: матэрыялы Міжнар. навук. канф. (Полацк, 22 – 23 мая 2012 г.) / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі, Полацкі дзярж. ун-т; рэдкал.: А.А. Каваленя [і інш.]; навук. рэд., уклад. В.М. Ляўко. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – С. 297 – 305.

105. Стойкова Г.Л. Наш земляк Ю. Лесневский // <http://nevelikc.ru/nash-zemlya-yu-lesnevskij>. – 2016. – 23 августа.

106. Сяменчык, М.Я. Полацк у Лютаўскай рэвалюцыі 1917 г. // Полацк у гісторыі і культуры Еўропы. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі (Полацк, 22-23 мая 2012 г.). – Мн.: Беларуская навука, 2012. – С. 277-284.

107. Тарасаў, С.В. Полацк IX – XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія / С.В. Тарасаў. – Мн.: Беларуская навука, 1998. – 183 с.: іл.

108. Тарасаў, С.В. Справаздача аб археалагічных доследах у Полацку і полацкай акрузе ў 1992 г. / С.В. Тарасаў // *Архіў ІГНАНБ*. – Воп. 1. – Спр. 1422.

109. Темчин С. Тау-крест в треугольнике на гравюрном портрете Франциска Скорины // *Францыск Скарына: асоба, дзейнасць, спадчына* / Цэнтр. навук. б-ка імя Якуба Коласа Нац. акад. навук Беларусі ; уклад. Аляксандр Груша ; рэдкал.: Л.А. Аўгуль [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2017. - С. 146–153.

110. Ткачев, М.А. Замки Белоруссии / М.А. Ткачев. – Минск: Полымя, 1987. – 220 [2] с.: ил.

111. Туронак, Ю. Людзі СБМ; Беларусь пад нямецкай акупацыяй / Ю. Туронак. – Смаленск, 2008. – 588 с.

112. Французы в России. 1812 год. По воспоминаниям современников-иностранцев : в 3 ч. / сост. А.М. Васю-тинский, А.К. Дживелегов, С.П. Мельгунов. – М. : Гос. публичная ист. б-ка России, 2012. – Ч. 1–2. – 736 с.

113. Шайкоў, В. Аб некаторых сацыяльна-дэмаграфічных аспектах гісторыі Полацка XVI – першай чвэрці XIX ст. у святле айчыннай гістарыяграфіі / В. Шайкоў // *Полацк: карані нашага радаводу* / Полац. дзярж. ун-т; рэд. А. Мальдзіс і інш. – Полацк, 1996. – С. 144 – 150.

114. Шишков, А.А., Борисёнок, Ю.А. Генерал С.Н. Войцеховский: уроженец Витебской губернии на службе чехословацкого государства // *Образование Чехословацкой республики в 1918 году в истории России и славянских народов*. – Прага: Российский центр науки и культуры в Праге, 2018. – С. 108-130.

115. Шишков, А.А., Борисёнок, Ю.А. От русского офицера до чехословацкого генерала: жизненный путь С.Н. Войцеховского на рубеже эпох // *Истоки чехословацкой государственности и Россия*. – Мн.: Колорград, 2018. – С. 122-147.

116. Ярашэвіч, А. Полацкі кляштар бернардзінцаў / А. Ярашэвіч // *Энцыкл.: гісторыі Беларусі: у 6 т.* – Мінск, 1999. – Т. 5. – С. 536.

117. Baranowski, A. Urbanistyka Połocka w okresie baroku / A. Baranowski // *Kwartalnik architektury i urbanistyki*. Т. XXXIX, zeszyt 1. – 1994. S. 25 – 34.

118. Bohomolec // Herbarzh Polski / Oprac. A. Boniecki. – T.I. Warszawa, 1899. – S. 360-361
119. Kodeks dyplomatyczny katedry i diecezji Wileńskiej. T. 1 (1387–1507). Wydali ks. Jan Fijałek i Władysław Semkowicz – Kraków: Nakładem Polskiej Akademii umiędności, 1948. – 771 s.
120. Korzon, T. Pamietniki Jakoba Giejsztora z lat 1857-1865 poprzedzone wspomnieniami osobistymi. W 2 t. T.I. / T. Korzon. – Krakow, 1896. – 424 s.
121. LVIA. F. 599. – Ap. 1. – B. 3. Материалы научного и другого характера Викентия Меницкого.
122. Maliszewski, E. Organizacja powstania styczniowego. / E. Maliszewski. – Warszawa, 1930. – 123 s.
123. Nalepa E.J. Oficerowie Armii Radzieckiej w Wojsku Polskim 1943-1968. – Warszawa: Bellona, 1995 – 340 s.
124. Przyborowski, W. Dzieje 1863 roku. W 3 t. T.III. / W. Przyborowski. – Krakow, 1902. – 460 s.
125. Woszczyński B. Leśniewski Józef Krzysztof // Polski Słownik Biograficzny. – T. XVII: Legendorf Fabian - Lubomirski Aleksander. – Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich - Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1972.
126. Z okolic Dzwiny. Księga zbiorowa. – Witebsk, 1912. – 275 s.
127. Żeligowski L. Wojna w roku 1920 : wspomnienia i rozważania. – Warszawa : Instytut Badania Najnowszej Historji Polski, 1930. – 223 s.

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе
учреждения образования «Полоцкий
государственный университет»

 Д.О. Глухов

« 03 » 09 2018 г.

АКТ

Об использовании (внедрении) результатов исследования в учебном процессе кафедры истории и туризма гуманитарного факультета учреждения образования «Полоцкий государственный университет»

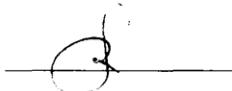
Комиссия в составе декана гуманитарного факультета, кандидата филологических наук, доцента Д.А. Кондакова, профессора кафедры истории и туризма, доктора исторических наук, доцента В.А. Лобача, доцента кафедры истории и туризма, кандидата исторических наук, доцента Е.В. Сумко настоящим подтверждает, что на кафедре истории и туризма учреждения образования «Полоцкий государственный университет» осуществлено внедрение в учебный процесс научных результатов, полученным при выполнении исследования **«Военные конфликты XV – XX вв. на белорусских землях и их влияние на формирование идентичности населения (на примере Полоцкого региона)»**, которое выполняется в рамках договор с БРФФИ № Г17Р-032 от «18» апреля 2017 г.

Результаты исследования используются в лекционных курсах «История Беларуси», «Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны», «История Полоцка (по материалам археологических исследований)», «Русско-белорусские и польско-белорусские отношения», а также для подготовки курсовых, дипломных и магистерских работ студентами гуманитарного факультета.

Члены комиссии:

 Д.А. Кондаков

 В.А. Лобач

 Е.В. Сумко

УТВЕРЖДАЮ

Проректор по научной работе
учреждения образования «Полоцкий
государственный университет»

 Д.О. Глухов

« 03 » 09 2018 г.

АКТ

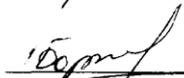
Об использовании (внедрении) результатов исследования в учебном процессе кафедры социально-гуманитарных дисциплин финансово-экономического факультета учреждения образования «Полоцкий государственный университет»

Комиссия в составе декана финансово-экономического факультета, кандидата экономических наук, доцента А.Р. Лавриненко, заведующего кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, кандидата философских наук, доцента И.А. Бортника, доцента кафедры социально-гуманитарных дисциплин, кандидата исторических наук, доцента И.В. Магалинского настоящим подтверждает, что на кафедре социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Полоцкий государственный университет» осуществлено внедрение в учебный процесс научных результатов, полученным при выполнении исследования **«Военные конфликты XV – XX вв. на белорусских землях и их влияние на формирование идентичности населения (на примере Полоцкого региона)»**, которое выполняется в рамках договор с БРФФИ № Г17Р-032 от «18» апреля 2017 г.

Результаты исследования используются в лекционных курсах «История Беларуси», «Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны».

Члены комиссии:

 А.Р. Лавриненко

 И.А. Бортник

 И.В. Магалинский